



ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 125, февраль 2025

АМЕРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ УПАДОК

«Желаю вам состариться с достоинством». Таково было прощальное пожелание Чжоу Эньлая Генри Киссинджеру в 1972 году, в нём личная вежливость перетекла в намёк на китайско-американские отношения. Молодой китайский капитализм противостоял американскому империализму, который тем временем преодолевал первые пороги своего относительного упадка. Штаты истекли кровью, пытаясь выбраться из вьетнамской трясины, а за год до этого испытали «никсоновский шок» – денонсацию Бреттон-Вудских соглашений о конвертируемости доллара с введением 10-процентных тарифов на импорт. Резкие односторонние шаги – это не только прерогатива нынешнего президентства.

Только вступив в должность, Дональд Трамп тут же повторил свои протекционистские угрозы во всех направлениях, особенно в отношении Мексики, Канады и Европейского союза, и не исключил военного вмешательства, чтобы взять под контроль Панамский канал и Гренландию, к всеобщему удивлению, пригрозив военной силой Дании, союзнику по НАТО и члену ЕС, защищённому обязательствами ЕС по взаимной обороне. На внутривластной арене он подписал целый ряд исполнительных указов, видимо, с целью перегрузить правовые и институциональные защитные механизмы сдержек и противовесов на уровне штатов, судов, федеральных агентств и законодательных органов. Даже если многие из этих указов преследуют лишь пропагандистские цели, своими действиями он так или иначе демонстрирует стремление сдвинуть баланс сил в пользу примата президентской власти, в соответствии с теориями унитарной исполнительной власти, в чём часть старого истеблишмента почти с паникой усматривает сползание к режимам *нелиберальной демократии*.

На присяге новый президент объявил о конце американского «упадка» и начале «нового золотого века», что является аллюзией на *Позолоченный век*, как называют последние десятилетия XIX века в Америке, с бурным развитием капитализма вплоть до рывка в империализм в результате испано-американской войны и завоевания Филиппин.

Мы восстановим данные события на страницах этой газеты, чтобы в политике Уильяма Мак-Кинли, в противостоянии военных сил, в роли газет в отражении столкновения между группами и фракциями, в стратегическом видении Теодора Рузвельта и в военно-морских теориях Альфреда Мэхэна получить исторический прецедент, позволяющий понять вторжение китайского империализма сегодня. Нынешние времена

характеризует то, что американский президент воображает, будто может справиться с упадком страны, воскрешая политику и модели империалистического восхождения США – практически имитируя рассвет, чтобы избежать заката. В то время перед Соединёнными Штатами не было соперника, сравнимого по мощи с нынешним Китаем: если уж на то пошло, они играли ту же историческую роль по отношению к угасающей Британской империи, которую сегодня играет восходящий Пекин по отношению к Вашингтону. Когда в лице вильгельмовской Германии появился ещё один претендент на британское наследство, Вашингтон был вынужден вмешаться в первую мировую войну, и именно здесь следует искать различия и сходства с тем, что происходит в Китае сегодня.

Как бы то ни было, Трамп отождествляет себя с Мак-Кинли, конечно, в связи с его протекционистскими убеждениями – тариф Мак-Кинли стал самым высоким в истории Америки, – но *Frankfurter Allgemeine Zeitung* отметила также прямую отсылку и к Теодору Рузвельту, который был вице-президентом при Мак-Кинли до убийства последнего в 1901 году, после чего пришёл ему на смену. Мак-Кинли, по словам Трампа, является одним из самых недооценённых президентов в истории США, но «он был прирождённым бизнесменом и дал Теодору Рузвельту деньги на многие великие дела, которые тот совершил». Начиная, конечно, с Панамского канала, строительство которого было тогда начато, а право на контроль над ним США гарантировали себе в 1903 году военными средствами, от чего, по мнению Трампа, Джимми Картер «необдуманно» отказался в 1977 году.

Именно Теодора Рузвельта первых лет XX века следует считать основателем американской внешней политики эпохи империализма как в практическом, так и в концептуальном плане, а его дальний кузен Франклин Делано Рузвельт в 1930-х годах ввёл механизмы президентской централизации и федеральные агентства, которые определяют империалистическую демократию в США и по сей день. Кажется, что со всей своей непоследовательностью Трамп всё же примыкает к первому и хочет избавиться от наследия второго, но своими громкими выходками первобытного американского национализма демонстрирует, что не обладает достаточными интеллектуальными способностями, чтобы понять, как связаны эти две плоскости, полностью и институтировать *плюралистическую централизацию* США, которые дополняют американское международное влияние.

Вполне возможно, что избавление от препятствий – дерегулирование промышленности, энергетики и финансов – в какой-то мере поможет противостоять спаду, и, безусловно, надежды крупных групп, поддерживавших Трампа, а также точки соприкосновения между партиями, возникшие на почве *экономического национализма*, связаны именно с этим. Разумеется, в Вашингтоне не согласны с перспективой «состариться с достоинством». Но ущерб, который терпит репутация США, не знает примеров, также как не знают примеров неожиданности, наносящие урон сети альянсов Америки.

Теодор Рузвельт сочетал реалистическую концепцию отношений между державами с мастерскими приёмами игры на общественном мнении; критикам, которые обвиняли его в манерах проповедника, он отвечал, что забрался на «*bully pulpit*» – на самую высокую, самую яркую кафедру – чтобы объяснить, в чём состоит защита американ-

ских интересов. Это выражение стало частью современного политического жаргона: «речи у камина», которыми Франклин Делано Рузвельт объяснял Новый курс или мобилизацию на войну, или телевизионные воззвания послевоенных президентов – всё это было использованием *bully pulpit*. На самом деле это непереводаемая игра слов: *bully* в американской речи означает как «задира», так и «блистательный» или «остроумный». *Wall Street Journal* использует это выражение, чтобы подчеркнуть дистанцию между фанфаронством Трампа и политическим и стратегическим мастерством Теодора Рузвельта: Трамп предпочитает угрозы искусству убеждения, «но использование *bully pulpit* для запугивания друзей Америки не поможет против реальных противников».

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, январь 2025 г.

Содержание

АМЕРИКАНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И АТЛАНТИЧЕСКИЙ УПАДОК	стр. 1
Лихорадка президентства Трампа	стр. 2
<i>Протекционизм и дерегулирование в США</i>	
Двухпартийный экономический национализм	стр. 3
Многовекторность, американские колебания и китайский вызов в индийских стратегических дебатах	стр. 4-5
<i>Европейские хроники</i>	
ЕС бросается за дерегулированием вслед за США	стр. 6
Сирийский кризис выявил пределы российской силы	стр. 7
<i>Российские хроники</i>	
Анатомия власти и капитала	стр. 8
Сопrotивление в Чехословакии: от Мюнхена 1938-го до 1945 года	стр. 9
Неопределённое перемирие в Газе	стр. 10
<i>Выборы в США</i>	
Поражение демократов в голосовании городов	стр. 11
<i>Первые назначения президентства Трампа</i>	
Баланс конкурирующих фракций для американского правительства	стр. 12
<i>Европейская военная промышленность и оборона</i>	
Leonardo – Rheinmetall	стр. 13
Здравоохранение прежде всего?	стр. 14
<i>Издательская новинка</i>	
Маркс, два столетия и Китай	стр. 15
Прогрессисты и либералы, где вы?	стр. 16
СУТЬ МОМЕНТА	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Каталония и Страна Басков в тисках ограничений и нарушения равновесия	стр. I
Пиренейская геополитика и европейское голосование	стр. II
Барселонская инсценировка и бегство из Каракаса	стр. III
Пропасти, войны и лодки	стр. IV

Лихорадка президентства Трампа

(начало на 1 стр.)

Внимание: по мнению *Wall Street Journal*, трудность заключается в том, чтобы понять, когда Трамп просто ведёт себя издевательски, а когда он серьёзен, при этом отнюдь не все заявления президента газета считает лишёнными смысла. В отношении Канады это чистое издевательство: Трамп любит подтрунивать над Джастином Трудо, называя его «губернатором следующего 51-го штата». Что касается Панамы, то если он настроен серьёзно, то «создаст себе проблемы»: «превратит союзника в Западной полушарии в противника» и рискует развязать «непрекращающуюся гражданскую войну». С другой стороны, Гренландия – это реальный вопрос, который имеет прецеденты в так называемой «hemisphere policy», политике США в отношении Западного полушария, то есть экспансии Вашингтона в ближнее зарубежье, говоря по-русски. О приобретении Гренландии думал уже госсекретарь Уильям Сьюард после аналогичной покупки Аляски в 1867 году; в 1946 году это безуспешно пытался сделать Гарри Трумэн. У США уже есть военная база на острове, а «старая колониальная держава, Дания, не может защитить его от прицелов Китая и России». Решением может стать «свободная оборонная ассоциация» с Гренландией, «подобная соглашениям США с некоторыми островными государствами Тихого океана».

В Копенгагене и Брюсселе уже отметили, что Гренландии, как автономной территории датской монархии, предоставлены гарантии безопасности ЕС; отметим, что это игнорирует не только Трамп, но и *Wall Street Journal*. На острове местные выборы в апреле этого года могут быть совмещены с референдумом о независимости; это чревато беспрецедентным дипломатическим кризисом между США и ЕС.

Джонатан Эял, директор британского RUSI (Королевского института оборонных исследований), утверждает, что Трамп хочет стать первым президентом со времён Мак-Кинли, осуществившим «значительное территориальное расширение» США. На первый взгляд, расплывчатые высказывания Трампа могут показаться «смешными», но его территориальные требования могут превзойти «новую доктрину Монро»: раньше она была направлена на то, чтобы не допустить европейские державы в Западное полушарие, сегодня доктрина будет нацелена против Китая.

Из поистине огромного количества комментариев и аналитических материалов мы выбрали два, поскольку один из них освещает поверхностную динамику феномена Трампа, а другой резюмирует глубинную логику его одностороннего национализма. Фредерик Шарильон, бывший директор IRSEM, стратегического исследовательского института при военной школе Франции, пишет в *Opinion*, что мир вступает в эпоху «жесточкого реализма», в котором доминирует примат силовых отношений. Символом этого является и фанфаронство Трампа, причём за этим последует и второй, и третий тайм. Сначала фанфаронство и уловки ни к чему не приведут, а Трампа будут считать «нелепым манипулятором», не принимая всерьёз. Ему придётся реагировать, чтобы показать серьёзность своих намерений, и тогда он осуществит свои угрозы в виде «экономических войн» или, что ещё хуже, развяжет войну настоящую.

Рино Формика, исторический лидер итальянской соцпартии, в интервью *La Stampa* утверждает, что на самом деле США больше не хотят иметь союзников: «Они отказываются принимать цену альянса, которая всегда заключается в наделении некоторым суверенитетом самого альянса. Без общего суверенитета остаётся только сиюминутное совпадение интересов. Именно этого и хочет Трамп: сиюминутного совпадения интересов. Разделять с союзниками общую политику и институты больше не считается важным: это и есть настоящее новшество». Вспомним предложение Шарля де Голля 1958 года о создании директории, в которой западные державы могли бы обсуждать свои интересы, и где именно Арктика была в числе областей, по которым можно было бы согласовать общую политику. Американская односторонность предстаёт как противоположность этому стратегическому единству.

Этот вопрос переплетается с внутренней динамикой американской власти и тем, с какой эффективностью ей удаётся синтезировать генеральную линию ключевых групп и фракций. Мы находимся на классической почве марксистской теории государства в эпоху империалистической демократии: плюрализм экономических сил представлен плюрализмом политических сил и механизмами сдержек и противовесов. Вопрос об эффективности плюралистической централизации никогда не решается окончательно, и регулярно отдельные экономические силы, отдельные доли капитала будут пытаться в одностороннем порядке захватить политическую власть; одна из функций государства как раз и состоит в том, чтобы защищать общие интересы буржуазного класса от частных интересов отдельного капиталиста.

Одно из измерений американского кризиса заключается в том, что новые высокотехнологичные информационные группы, так называемые платформы социальных медиа, многократно углубляют противоречие, которое уже имелось в ситуации с крупными газетами и телевидением: они являются «кентаврами», так как этими компаниями управляет логика капитала, и в то же время они занимают центральное место в информации, политических дебатах и распространении идеологий. Сегодня *bully pulpit*, «высокие кафедрки» – это X (бывший Twitter), Facebook, TikTok и другие платформы, конкурирующие за рынок *follower*, подписчиков того или иного *influencer* – лидера общественного мнения, в сочетании с телеканалами, в свою очередь, конкурирующими за рейтинги.

Мы уже говорили о дисбалансе, присутствующем в телевизионной демократии и социальных медиа, и ещё будем говорить об этом; здесь достаточно вспомнить о противоречии самих платформ, которые являются общественными площадками, принадлежащими отдельным капиталистам, где логика рекламных инвестиций, следующих за рейтингами и подписчиками, благоприятствует распространению экстремистских и экстремальных позиций, и где *bully pulpit* теперь занята одним капиталистом – владельцем главной платформы, который также кооптирован в администрацию президента. Об Илоне Маске, эксцентричном и психически пограничном персонаже, вплоть до признаваемого им самим употребления наркотиков, его биограф Уолтер Айзексон сказал *La Stampa*, что склонность к «крайностям» и «тотально-

сти», игнорирование ущерба и «обломков, которые отпадают по пути», может помогать в управлении компанией, «но вызывает проблемы в обществе, когда нужно соблюдать баланс различных сил».

Именно так. Второе измерение американской политической лихорадки касается веса новых высокотехнологичных групп в администрации Трампа, где благодаря предупреждению, брошенному Джо Байденом против «олигархии» «технопромышленного комплекса» утвердился нарратив о том, что горстка техноолигархов захватила власть в исполнительной власти. Действительно ли их вес и хватка таковы, что они искажают плюралистическую централизацию интересов, а Трамп, в свою очередь, пытается изменить баланс ветвей властей в пользу президентской исполнительной власти?

Сабино Кассезе ставит этот вопрос под собственным углом зрения, пользуясь правом мэтра в области концепций политической теории. В истории, пишет он в газете *Corriere della Sera*, «никогда не встречались частные силы, которые так быстро заявили о себе, обладали бы таким богатством, такой мощью, такими обширными территориальными и функциональными сферами, как технологические гиганты»; результатом стало то, что «частные силы более могущественны, чем государственные» и «компания, родившаяся в одной стране, стала наднациональной, глобальной»; они могут избежать «суверенной национальной юрисдикции» благодаря «арбитражам» или могут «бросить им вызов». Это реальная проблема – достаточно задуматься об уходе от налогов крупных глобальных групп, – но, по нашему мнению, её следует распространить на все крупные концентрации капитала, начиная с финансовых групп.

The Economist, с английским практическим рассудком, переходит к реалиям баланса сил и крупных американских групп. Противовесами Трампу, с которыми он будет вынужден идти на компромисс, станут Сенат, Палата представителей, где у него незначительное большинство, федеральные суды и даже Верховный суд, где у консерваторов не большинство 6 к 3, а фактически «3–3–3, где два консервативных лагеря образуют блоки, столь же отличные друг от друга, как и либеральный».

Что касается «техноолигархов», то они «контролируют слишком малую часть огромной и разнообразной экономики страны, чтобы иметь возможность влиять на её общее направление». На Amazon Джеффа Безоса, Meta Марка Цукерберга и Tesla Илона Маска приходится «одна десятая стоимости всех публично торгуемых акций в Америке», а их вес в ВВП составляет 1,8 %. Даже если прибавить Apple и Alphabet, чьи руководители также присутствовали на присяге Трампа, получается 3,1 % ВВП.

Утверждение технологических гигантов в войне капиталов нельзя преуменьшать, особенно на фоне Европы, которая на этом фронте оказалась застигнутой врасплох, но, добавим, немисливо такое одностороннее восприятие администрации Трампа, какой она предстаёт в журналистских карикатурах. Это вопрос меры: в тех пропорциях, в которых существует дисбаланс, неизбежно возникнет борьба между властями и внутри самой администрации за восстановление баланса, и это обычная логика плюралистической централизации.

Марта Дассу в *Aspenia* даёт более чёткое представление о сформировавшейся коалиции: «Это альянс по расчёту с американским неокapитализмом технологических гигантов, частью Силиконовой долины, частью крупных финансов (особенно «деструктивных», т. е. криптовалютного сектора), частью старого истеблишмента «сланцевой нефти и сланцевого газа» и частью обрабатывающей промышленности, которая теперь надеется на реиндустриализацию благодаря пошлинам, а не стимулам». Это «коалиция нео- и ветерано-капиталистов». Таким образом, добавляем мы, наличие вожака-задиры, который дома обещает снижение регулирования и налогов, а за границей запугивает конкурентов, является преимуществом, от которого, похоже, не хочет отказываться ни одна группа.

Последним вопросом является столкновение с Европейским союзом. С одной стороны, технологические группы ищут у Трампа поддержки в противостоянии европейским правилам Закона о цифровых услугах и Закона о цифровых рынках; с другой стороны, на ЕС давит американское дерегулирование, и внутри союза растёт давление в пользу движения в том же направлении. По мнению журнала *The Economist*, ЕС сталкивается с новой эрой «дипломатии цифровых канонеров», но свод правил и институтов с так называемым «брюссельским эффектом» сохраняется. После некоторого первоначального ошеломления от того, что американская атака ударила по ЕС даже сильнее, чем по Китаю, возобладала дозировка переговоров и твёрдости против американской односторонности.

Следует задуматься: категории либеризма и протекционизма сами по себе перед лицом американского национализма стали менее пригодны для понимания знака цикла. Вашингтон сочетает либерализацию, дерегулирование внутри страны с протекционизмом вовне, но при этом целенаправленно использует протекционистскую угрозу, чтобы ослабить регулирование других стран. В борьбе за потоки капитала он поощряет иностранные инвестиции в США, пользуясь свободой их перемещения, но оставляет за собой право блокировать нежелательные вторжения через CFIUS (Комитет по иностранным инвестициям США), как это было в случае с Nippon Steel – US Steel. Единственным критерием, который удерживает вместе либеризм и протекционизм и их пропорции, является односторонний экономический национализм, и это новый факт, который фрагментирует и усложняет характер цикла.

Наконец, следует помнить, что каждый инвестиционный цикл обычно сопровождается финансовым пузырьком, а каждый пузырь в экономике – пузырьком идеологическим: перед глобальным кризисом 2008 года был изобретён конец риска благодаря производным ценным бумагам, а сегодня воспеваются всемогущество и вездесущность технологических гигантов. *Frankfurter Allgemeine Zeitung* пишет, что скоро может стать ясно не только то, что Трамп «не умеет ходить по воде», но и то, что политика в целом – непростое дело даже для популистов. Трамп запустил свою собственную криптовалюту – первый случай, когда президент сам себя поставил на кон. Это незнание собственной меры, которое неизбежно столкнётся со своими пределами.

Протекционизм и дерегулирование в США

Двухпартийный экономический национализм

В начале января, за несколько дней до инаугурации Дональда Трампа в качестве президента США, уходящий президент Джо Байден подписал два указа, которые, как считают основные американские газеты, являются квинтэссенцией его политического наследия. С одной стороны, японскому сталелитейному гиганту Nippon Steel было окончательно отказано в приобретении US Steel – компании, которая на протяжении 70 лет была основой процессов индустриализации, автомобилизации, урбанизации и милитаризации США. С другой стороны, введён запрет на морское бурение нефтяных скважин вдоль большей части американского побережья.

Декрет о стали призван продемонстрировать исторический альянс между Демократической партией и некоторыми федерациями промышленных профсоюзов, а также её стремление защитить наиболее зрелые отрасли промышленности, особенно высокотехнологичные, во имя экономического национализма, служащего двухпартийному тотему национальной безопасности. Указ о запрете бурения на шельфе призван подтвердить верность обязательствам по борьбе с изменением климата, включённым в расплывчатую идентичность Демократической партии.

Цербер
для иностранных инвестиций

Вето Байдена на покупку Nippon Steel компании US Steel было наложено – после безрезультатного рассмотрения Комитетом по иностранным инвестициям США (CFIUS) – через год после предъявления соответствующего предложения на сумму 15 млрд долл. и с облегчением воспринято американской группой.

CFIUS был создан в 1975 году по настоянию Конгресса президентом Джеральдом Фордом как консультативный комитет, которому было поручено контролировать любые инвестиции, которые могут иметь «серьёзные последствия для национальных интересов Соединённых Штатов». Эволюция CFIUS следовала за изгибами отношений между ветвями власти американского империализма. На момент своего создания комитет ставил своей задачей прежде всего наблюдение за потоком растущих доходов от продажи нефти из нефтяных монархий в США. В 1988 году он был преобразован в орган исполнительной власти, в состав которого вошли представители основных экономических и силовых структур.

Это был период прихода японского капитала, переоценённого по отношению к доллару после заключения Соглашения «Плаза» и привлечённого дешёвыми американскими акциями. В то время именно демократы в Конгрессе были встревожены предложением Fujitsu купить 80 % Fairchild – крупного калифорнийского производителя полупроводников. Fujitsu решила выйти из игры, но Конгресс предоставил президенту «дискреционные полномочия» принимать решения (с правом вето) по любым приобретениям зарубежных компаний или совместных предприятий. Рональд Рейган опасался, что этот кейс может подорвать его усилия по открытию японского рынка. Последующие изменения устава CFIUS в 2008-ом (усиление надзора за комитетом со стороны Конгресса) и 2018 году (расширение его полномочий с целью включения неконтрольных иностранных инвестиций) были вызваны опасениями по поводу растущей активности китайского капитала.

Вето Байдена заблокировало слияние 4-й и 24-й по величине сталелитейных групп в мире. Вместе они производят 60 млн тонн стали, а 1-е место в мировом рейтинге занимает China Baowu Steel Group, производящая 130 млн тонн. Трамп также выступил против сделки, заявив, что «теперь, когда тарифы сделают её гораздо более прибыльной компанией», нет причин продавать US Steel.

Новый курс
для Washington Post

The Economist не согласен с этим аргументом, который подразумевает, что американские сталелитейщики являются жертвой иностранной конкуренции: «Американское производство стали на протяжении десятилетий переживало спад якобы из-за иностранной конкуренции. [На самом деле] На родине традиционные интегрированные производители, такие как US Steel, были вытеснены мини-заводами, работающими на электричестве и имеющими рабочих, не состоящих в профсоюзах». Руководители US Steel присоединились к боссам Nippon Steel, подав иск в Апелляционный суд США в Вашингтоне по поводу вмешательства Байдена в процесс принятия решений CFIUS «в попытке победить на выборах и отплатить политические услуги». Они попросили суд пересмотреть дело, которое, по их мнению, было «глубоко коррумпировано политикой».

По данным *Washington Post (WP)*, Байден планировал заблокировать сделку ещё в сентябре, но его отговорили лидеры Демократической партии в Пенсильвании, опасавшиеся проиграть выборы в колеблющемся штате. Джефф Безос, владелец *Washington Post*, а также Amazon и космической компании Blue Origin, во время президентской кампании изменил позицию своей газеты с поддержки Демократической партии на нейтральную. Кейс Nippon Steel – US Steel используется им для ведения прямой полемики с Байденом. Газета подчёркивает разногласия внутри исполнительной власти и агентств, входящих в CFIUS, из-за которых принятие коллективного решения стало невозможным и было передано в руки президента.

По данным *WP*, по меньшей мере полдюжины правительственных чиновников выступили против линии Байдена: государственный секретарь Энтони Блинкен; заместитель советника по национальной безопасности Джейка Салливана Джонатан Файнер; посол США в Токио и бывший глава аппарата Белого дома при Бараке Обаме Рам Эмануэль; главный экономический советник Белого дома Джаред Бернштейн; министр финансов и председатели CFIUS Джанет Йеллен. Основные возражения были сосредоточены на двух аспектах: решающая роль Японии как надёжного союзника США в Азии в трёхстороннем пакте между США, Японией и Южной Кореей и в четырёхсторонних отношениях между США, Японией, Австралией и Индией; возможные последствия для потоков иностранных инвестиций в США. Йеллен отметила, что отклонение сделки без каких-либо доказательств риска для национальной безопасности грозит запятнать репутацию Министрства финансов США.

В противоположном лагере торговый представитель Кэтрин Тай «была главным противником сделки», за ней следовали председатель профсоюза United Steelworkers Дэвид Макколл и три давних советника Байдена, вклю-

чая заместителя начальника его штаба Брюса Рида и министра энергетики Дженнифер Грэнхолм. Это была настоящая борьба, в которую вмешался премьер-министр Японии Сигэру Исиба, направивший Байдену письмо, которое так и не было обнародовано.

Global Times
заглядывает в будущее

Макс Бут, обозреватель *WP*, биограф Рейгана и обладатель яркого резюме, пишет, что после политического триумфа Трампа в 2016 году демократы решили, что «необходимо отказаться от прежней поддержки свободной торговли, чтобы соревноваться с Трампом в тарифной лотерее». «Этот гнусный и в конечном итоге ошибочный политический расчёт был представлен как «внешняя политика для среднего класса», [когда на самом деле это была] внешняя политика, направленная на достижение победы демократов в Пенсильвании, Мичигане и Висконсине [...], шаг, который плачевно провалился». Пламенные обвинения бросил и Джейсон Фурман, бывший председатель экономических советников Обамы: страх Байдена, что соглашение с японцами представляет собой «угрозу национальной безопасности, [является] жалким и подлым убежищем для особых интересов, которые сделают Америку менее процветающей и безопасной. Печально видеть, как он предаёт наших союзников, нарушая при этом закон».

Комментарий Китая в *Global Times* был резок и подчёркивал «геополитическое» измерение «экономического национализма» Байдена: «Отвергнув предложение Nippon Steel, США наращивают свои усилия по сохранению независимости в секторах, где вырисовывается влияние Китая, и пытаются укрепить свои позиции в продолжающемся экономическом соперничестве с Китаем». В этом споре Вашингтон отнёсся к Токио как к «подчинённому», а подчинённому не следует доверять контроль над стратегическими отраслями промышленности. Европейский союз «внимательно следит» за этим вопросом. Усиливается мнение, что США «ставят свою экономическую безопасность выше интересов своих партнёров». Это подтолкнёт Японию и ЕС к поиску экономических связей с другими странами. Протекционизм США может «ускорить регионализацию мировой экономики» и создать «более фрагментированную мировую экономику со всё более экономически самодостаточными региональными блоками», а также позволит Китаю позиционировать себя как «более надёжного партнёра для стран, стремящихся диверсифицировать свои экономические отношения [...] в пользу более многополярного экономического порядка». Это не просто эпитафия президентству Байдена, это ставка на четырёхлетний срок Трампа.

Федеральные
земли и воды

Январский указ Байдена о запрете бурения скважин на шельфе сделал 625 млн акров прибрежных вод недоступными для нефтяной промышленности – это всё Восточное побережье, побережье Тихого океана от Калифорнии до штата Вашингтон, восточное побережье Мексиканского залива в Мексике и Берингово море на Аляске. Трамп сразу же предупредил, что отменит указ, как только вступит в должность. Среди десятков указов, которые только что подписал новый президент, полдюжины касаются либерализации

эксплуатации энергетических ресурсов и выхода Америки из Парижского соглашения. Намерение Трампа отменить все правила, препятствующие достижению изобилия ископаемого топлива, вызвало возражения со стороны ряда наблюдателей, заявивших, что для отмены указов предыдущего президента необходимо решение Конгресса. Они также напомнили, что попытка Трампа во время его первого срока отменить запрет на бурение скважин в арктических водах, введённый Обамой в 2015 году, была отклонена федеральным судьёй Аляски. Теперь Трамп применяет другой подход и объявляет «чрезвычайную ситуацию в сфере энергетики», предоставляя себе чрезвычайные полномочия по энергетическому вопросу.

США занимают первое место в мире по добыче нефти, газа и экспорту сжиженного газа; у них один из самых высоких показателей потребления электроэнергии на душу населения, в 4 раза превышающий среднемировой показатель и в 2 раза – средние показатели по Европе и Китаю. Однако в чрезвычайном указе Трампа говорится, что «недостаточное производство, транспортировка, переработка и генерация энергии в США представляют необычную и чрезвычайную угрозу экономике, национальной безопасности и внешней политике нашей страны». Ещё только предстоит выяснять, будет ли достаточно экстренных мер, чтобы устранить препятствия на пути к реализации лозунга «drill, baby, drill» («бури, детка, бури»), который стал рефреном новых хозяев Белого дома.

Нефть
и новые рубежи

В своих предвыборных обещаниях Трамп заявлял, что увеличение добычи нефти служит цели двукратного снижения цен на топливо. Если это популистское заявление принимать всерьёз, то оно должно напугать нефтяников. Новый министр внутренних дел Даг Бёргам, миллиардер, застройщик и бывший губернатор Северной Дакоты, использует более тонкий аргумент, связанный не с ценами, а со спросом на электроэнергию. Он утверждает, что в ближайшие три года объём электроэнергии, потребляемой центрами, подключёнными к ИИ, утроится, добавляя, что этот тип спроса не может полагаться на «нестабильную и ненадёжную» солнечную и ветровую энергию. «Без базовой [электрической] нагрузки мы проиграем Китаю гонку вооружений в сфере ИИ [...], и это окажет прямое влияние на нашу национальную безопасность». Новое правительство приглашает иностранных инвесторов, и Трамп пообещал ускоренное одобрение любому, кто вложит в США не менее 1 млрд долл.

Первым актом республиканской группы в Палате представителей в начале января стало обязательство содействовать передаче федеральных земель для их эксплуатации. По данным *New York Times*, представители Республиканской партии собираются предпринять шаг, который «обесценит государственные земли, обяжет федеральное правительство не учитывать потери дохода при передаче земли штату, племени или местному правительству».

В воздухе витает новый дух фронта, высвобождения старых *animal spirits* нефтяников, застройщиков, игроков и авантюристов, дух безумия, отвергающий любые правила. Но за иллюзиями неизбежно последуют разочарования.

Многовекторность, американские колебания и ки

Джейк Салливан выбрал Индию для своего последнего зарубежного визита в качестве советника по национальной безопасности. Партнёрство с Дели станет «краеугольным камнем» внешнеполитического наследия Джо Байдена; речь идёт о «передаче эстафеты следующей администрации». Вашингтон укрепил связи с партнёрами и союзниками от Индо-Тихоокеанского региона до Восточной Азии, чтобы обуздать китайского дракона; но хаотичное президентство Дональда Трампа может нарушить эту ткань или даже – как опасаются некоторые в Дели – возродить перспективы примирения с Китаем.

Колебания находящейся в упадке сверхдержавы в любом случае станут испытанием для индийской стратегии многостороннего сотрудничества. Министр иностранных дел Субраманьям Джайшанкар учитывает это, представляя первый номер журнала *India's World*. Журнал выпускается Хаппимомом Джейкобом, основателем Совета по стратегическим и оборонным исследованиям в Нью-Дели, и редактируется Раджой Моханом, видным участником индийских стратегических дебатов. Джейкоб – профессор Школы международных исследований Университета Дж. Неру и бывший студент Мохана; он пишет, что *India's World* намерен «на основе индийских источников интерпретировать» новую международную роль азиатского гиганта. Оформление журнала напоминает *Foreign Affairs*, авторитетный ежемесячник американского истеблишмента. Однако Джайшанкар во введении напоминает академической элите, что нужно «слушать улицу»: в дискуссиях часто не хватает «внутреннего политического пульса». Не менее полезными, по заявлению министра, были бы составительные дебаты с участием различных голосов индийского общества и «бизнес домов». Здесь читается отсылка к плюрализму, лежащему в основе многовекторности.

Редакционный замысел Джейкоба заключается в том, чтобы продемонстрировать индийские дебаты внешнему миру. Раньше взаимодействие было омрачено колониальным прошлым, когда Индия отказывалась в собственном месте в «сообществе наций»; для Запада Индия не была «стратегическим актором». Сегодня из недовольной державы на задворках глобальной политики она превращается в активную силу с чёткой и признанной ролью, и даже в Дели «эра отрицания», долгий период непризнания, закончился. Это неизбежно повысит интерес во всём мире к индийской внешней политике.

Вступительное эссе Мохана предлагает обзор этого вопроса, начиная с концептуальных координат многовекторности. С экономической точки зрения, речь идёт об использовании растущей глобальной взаимозависимости Индии для превращения её в *Viksit Bharat* (развитую нацию). Экономические аспекты в сочетании с военным потенциалом, позволяющим «вести торг» о лучших условиях в отношениях с миром, в свою очередь, позволят «эксплуатировать международные противоречия» для ускорения роста.

Развитие, по-видимому, является одной из предпосылок большей эффективности стратегических отношений, но цель повысить положение Индии в международной системе требует «эффективной навигации среди крупных держав» в конкретной сфере их отношений. Здесь, по мнению Мохана, «груз прошлых идеологий» не исчез полностью; правительство «реалистично переосмысливает старый словарь», пытаясь навязать «стратегический

прагматизм». Спротивление гибкому применению заповедей многовекторности рискует сочетаться с задержками в открытии доступа к международным товарам и капиталу.

Мохан был советником министра иностранных дел Индии Джасванта Сингха в правительстве Ваджпайи и премьер-министра Манмохана Сингха. На протяжении десятилетий он выступал как против иллюзорных притязаний на несбалансированные отношения с США, направленные на сдерживание Китая, так и против сохранения старых идеологических предрассудков по поводу отношений с Западом. Очень разные суждения, которые могут показаться противоречивыми, но которые вместо этого раз за разом подтверждают неизменность основного принципа «разнонаправленного взаимодействия со всеми державами», именно многовекторности.

В начале 2000-х годов тезисы индийского аналитика были близки к гипотезе Генри Киссинджера о «шести-полярном равновесии» в глобальных отношениях, благодаря той роли, которую Индия могла играть в азиатской политике США и отношениях с ведущими державами. После кризиса 2008 года эссе в американском журнале *The American Interest*, написанное Моханом, который к тому времени стал советником правительства, подтвердило это полуофициальное предложение: разделить бремя безопасности в Азии в обмен на признание роли Индии и установить между Вашингтоном и Нью-Дели отношения, напоминая бы отношения между Лондоном и Британской Индией.

С течением времени Мохан комментирует углубление отношений с США, Европой и Японией, часто пользуясь авторитетом источника, непосредственно участвующего в выработке дипломатической линии, но иногда и в рамках индийских стратегических дебатов, которые, как правило, более плодотворны в своём анализе, чем в реальных результатах. Эссе в *India's World* рассматривает отношения с США, Россией и Китаем через «концепцию стратегической автономии» и полезно для исследования дилеммы многовекторности в кризисе порядка и перед лицом второго пришествия Трампа.

«Стратегическая автономия Индии, – резюмирует Мохан, – теперь заключается не в сохранении дистанции с США, а в снижении уязвимости перед Китаем и Россией»: в этом смысле «партнёрство» с США заняло центральное место именно для сохранения автономии. Автор критикует склонность старых течений непризнания низводить концепцию стратегической автономии до «антизападной идеологии», наносящей ущерб интересам развития Индии и её экономическим связям с Западом; но он также предупреждает, что Дели придётся «управлять сложными отношениями» с США, которые в настоящее время заняты формированием новой исполнительной власти.

С одной стороны, отмечает Мохан, потребуется более интенсивное участие «в американской внутренней политике», чтобы заручиться поддержкой «ключевых избирателей» против потенциальной враждебности «со стороны правительства США в данный момент». Отметим, что эта линия схожа с линией китайских течений, которые рассчитывают на интересы американских групп в Китае, чтобы повлиять на политику Вашингтона. Если это отражает реальные связи во множественных отношениях между державами, то случай Индии также может заставить применить логику баланса. Существуют течения в

пользу продолжения взаимодействия с Индией даже во внешней политике Трампа, учитывая неотвратимое противостояние с Драконом. Сама история Джейка Салливана, который дебютировал в СНБ с более сдержанной «внешней политикой для среднего класса» и слился с индо-тихоокеанскими обязательствами, сформулированными Куртом Кэмпбеллом, показала это в уходящей администрации.

Другим следствием, по мнению Мохана, является развитие связей с «Европой, англосферой, Японией и Южной Кореей» для сдерживания западного лагеря. Индийские интересы требуют сближения с американской державой, чтобы уравновесить китайского претендента, но США одновременно являются гарантом старого порядка, переживающего кризис; Дели должен обратиться к комплексу старых держав, чтобы обеспечить рамки своей собственной многовекторности. Многостороннее взаимодействие Индии, согласно концепции Мохана, по своей природе динамично, поскольку зависит не от одного отношения – которое может колебаться, – а от совокупности отношений в их движении. Эта концепция может быть особенно подходящей для движения в фазе динамической модификации отношений держав, если она не остаётся просто отражением этого движения. В конечном счёте речь идёт не о наличии множества отношений – они есть у всех держав, – а об управлении ими «активно», чтобы извлечь из них максимальную пользу.

Склонность Индии обращаться к Европе, чтобы сгладить последствия американских колебаний, является остатком стратегического потенциала ЕС, который тот мог бы использовать, компенсируя своё отставание в централизации внешней политики. Однако в оценке Моханом нынешних пропорций сил подчёркивается американская устойчивость. В пересчёте на текущие доллары «Соединённые Штаты остаются самой важной державой в мире», их доля в мировом производстве остаётся почти неизменной с начала тысячелетия, в то время как рост «незападных» держав происходит почти исключительно за счёт сокращения доли Европы и Японии.

В этом аргументе слышится отголосок оценок Уолтера Рассела Мида в *Wall Street Journal*, который воспевал разрушительную способность Америки противостоять упадку, а также реалистического доклада Драги о конкурентоспособности Европы, которой бросает вызов как Китай, так и сами Соединённые Штаты. Перед лицом неизвестных величин динамичной Америки, но в условиях односторонности Трампа, обращение к Европе не только избавляет концепцию многовекторности от обвинений в излишней уступчивости США, но даже может означать некоторую автономию по отношению к Вашингтону.

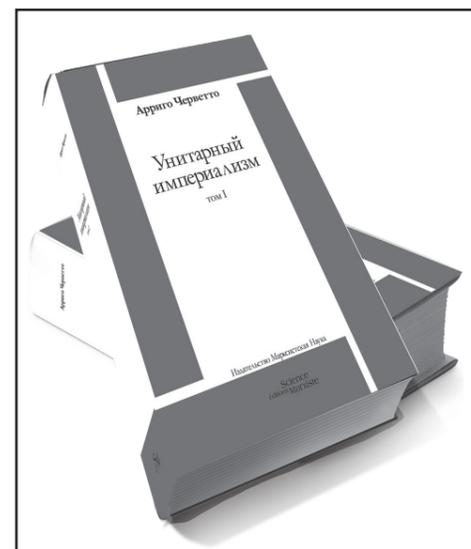
Отношения с Москвой и Пекином занимают оставшуюся часть дискуссии. «Дели признаёт, что Россия, которая была важнейшим элементом в попытках Индии уравновесить Китай в период с 1960-х по 1980-е годы, не может играть эту роль в нынешних условиях, характеризующихся углублением связей Москвы с Пекином» и разворотом китайско-российского соотношения сил в долгосрочной перспективе.

Отношения с Россией остаются крепкими в плане энергетических и военных поставок, поскольку Москва также надеется на Дели, чтобы уравновесить Китай, и, наконец, в управлении центральноазиатским балансом с Ираном,

Пакистаном и другими региональными игроками; но Индия по-прежнему вынуждена «в основном» полагаться на Запад, чтобы уравновесить Китай.

Эссе в *India's World* обновляет видение российского вопроса в условиях войны на Украине. Напомним, как об отношениях со старым союзником говорилось в 2017 году: Индии необходимо проводить «независимую внешнюю политику», чтобы реагировать на «структурные изменения» в динамике держав, что не оставляет места для «сентиментальности» в «геополитической игре». Сближение Москвы с Пекином уже тогда, казалось, подрывало историческое значение индо-российского сотрудничества, восходящее к договору 1971 года, подписанному в ответ на сближение Никсона и Киссинджера с Китаем. Функции этих отношений менялись: сначала они были направлены на то, чтобы уравновесить Америку, а не Китай, и только затем главной заботой стал Пекин. Таким образом, восхождение Китая и притягивание Москвы к его орбите заставили Нью-Дели больше ориентироваться на США и Японию.

Война на Украине ещё больше укрепила китайского «старшего партнёра» Москвы, но она же подтолкнула русского медведя беречь связи с Индией, чтобы избежать международной изоляции и удушающих объятий Дракона; Нью-Дели, в свою очередь, не присоединился к западным санкциям против российского экспорта энергоносителей. Это, как отмечает Джейкоб в другом эссе журнала, «континентальная» динамика индийских отношений, которая недостаточно учитывается «морскими» партнёрами, США и Япони-



Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

ТАЙСКИЙ ВЫЗОВ В ИНДИЙСКИХ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ

ей: они не стремятся признавать интерес Нью-Дели использовать связи с Москвой для баланса и участвовать в Центрально-Азиатском форуме ШОС и БРИКС вместе с Россией и Китаем.

По мнению Мохана, Россия останется важным поставщиком природных ресурсов для экономического роста Индии, но Дели придётся снизить свою многолетнюю зависимость от военных поставок. Связи с Москвой, тем не менее, останутся ключевым элементом *многовекторности*, и война, заметим, дала Индии большую свободу действий в отношениях с Россией.

Вопрос, который осталось рассмотреть – это китайский вызов. Понимание Индией многополярного мира начало меняться с утверждением Дракона в последнее десятилетие. Когда в 1990-х годах Дели вместе с Россией и Китаем взялся осуществлять проект перехода к многополярному миру, его целью было защититься от американского *однополярного момента* и опасности того, что Вашингтон будет угрожать стратегическим интересам Индии в вопросах о Пакистане и о ядерном оружии; *«когда китайская угроза стала доминировать в индийской политике»* и Дели перешёл от попыток уберечься от влияния США к сотрудничеству с Вашингтоном, *«стремление к многополярному миру превратилось в стремление к "многополярной Азии"»*.

Этот вопрос возвращает нас к формулировке Джайшанкара – *«многополярная Азия в многополярном мире»* – и проясняет отношение Индии к расширению БРИКС за счёт развивающихся стран, сперва сдержанное, а затем всё более благосклонное.

То, что Дели вновь стал претендовать на роль защитника так называемого *«Глобального Юга»*, пишет Мохан, безусловно, *«захватило политическое воображение индийского стратегического сообщества»* и вызвало *«большой энтузиазм»* в отношении идеи вернуть себе лидерство. С одной стороны, наследие колониальной и постколониальной эпохи *«кажется, ставит Индию на одну волну с Китаем и Россией»* в мобилизации *«настоящего антизападного недовольства»* среди развивающихся держав. Но, с другой стороны, из-за баланса нынешней *многовекторности* Индия не заинтересована в том, чтобы придерживаться ревизионистских требований *«ниспровержения американского порядка»*, и, хотя она выступает вместе с Китаем и Россией на многих форумах, не желает перенимать их риторику.

Ставка Нью-Дели на БРИКС и отказ превращать организацию в антизападный форум, похоже, имеет противоположный знак, а расширение показало, как новые члены, очень неохотно встающие на сторону Китая и США, могут принять индийскую линию. Отсюда и культивируемые в Дели представления о *«глобальном Юге»*, оторванном как от Запада, так и от Востока. Образ, которому Мохан противопоставляет сотрудничество *«между Югом и Севером»*, избегающее конфронтации с Западом и в любом случае ослабляющее конкурентную силу Дракона.

Как видно, отношения с Китаем меняют все направления индийской внешней политики и в конечном итоге обосновывают её трансформацию от неприсоединения к *многовекторности*. Непосредственно в отношении Дракона *«главными интересами»* Дели остаются *«мирное сосуществование и нормальные связи»*, не вступающие в противоречие с нынешним *«сближением интересов»* с США. Мохан подтверждает *«приостановку»* сближения с Китаем, отложенную до тех пор, пока более уверенная

в себе Индия не сможет вернуться к взаимодействию с Драконом, имея за спиной многочисленные связи с другими странами. Но это не исключает нормализации отношений в среднесрочной перспективе.

Доктрина Джайшанкара – *«задействовать США, управлять ситуацией с Китаем, развивать отношения с ЕС, успокаивать Россию, вовлекать Японию в игру, втягивать соседей»* – оставляла открытым вопрос о том, как себя вести в отношении громоздкого соседа. Тем временем в Индии растёт давление требований, по крайней мере, вновь открыть канал китайских инвестиций. Вопрос о соглашении с Пекином регулярно всплывает в диалоге между властями.

Мохан пишет: *«В Дели прекрасно понимают, что нынешнее противостояние между "коллективным Западом" под руководством США с одной стороны и Китаем и Россией с другой не является постоянным фактором международной системы»*. Несмотря на риторику, и Пекин, и Москва стремятся заключить соглашения с Америкой, и исторически в обеих столицах сильны западнические элиты. Наконец, президентство Трампа само по себе не исключает возможности *«делки века»* с Си Цзиньпином.

Это самый большой вызов для индийской *«многовекторности»*. Джейкоб пишет об этом в разделе, посвящённом внешнеполитическим *«парадоксам»*. Индия, растущая глобальная держава, находится в состоянии упадка на региональном уровне по сравнению с Китаем. Возвышение Дракона угрожает самовосприятию индийского *«великого государства-цивилизации»*, низводя его до второстепенной державы в Азии, но в то же время развитие Индии сильно зависит от китайской экономики. Противоречие неразрывно: *«Чем больше Индия торгуется с Китаем, тем больше растёт её зависимость; [...] чем меньше она торгуется, тем больше она ограничивает свою способность к росту»*, тем самым увеличивая разрыв с Пекином.

Индийские дебаты горячи. По мнению Мохана, значение западного капитала, рынков и технологий для роста и могущества Индии в ближайшие годы будет расти. Однако другие течения не считают, что этого направления будет достаточно, если не наладить более свободный приток новых избытков капитала из Китая. Вопрос опять же отсылает к тому, что Джайшанкар написал в *«Why Bharat Matters»* (2024) и к вопросу о том, достаточно ли капитала старых держав в сочетании с трудовыми ресурсами демографического дивиденда Индии, чтобы дать ей второй шанс *«заскочить в промышленный автобус»*, который она упустила в 1990-е годы. По подсчётам *Business Standard*, флагмана открытия, для того чтобы увеличить ежегодный объём прямых иностранных инвестиций с 70 до 100 миллиардов долларов США, Дели не сможет обойтись без Китая.

В 2023 году ограничения были уже сняты, и индийские власти заблокировали вход китайских автоконцернов, желавших инвестировать в страну. В 2024 году началось контрастное поведение сторонников открытости. В июле В. А. Нагесваран в правительственном *«Экономическом обзоре»* высказался за открытость для прямых китайских инвестиций; в августе *Global Times* зафиксировала робкие шаги в направлении открытости со стороны групп электронки Luxshare и Huaqin; в сентябре на стала очередь министра Джайшанкара заявить о том, что Индия *«не закрыта»* для Китая: *«Вопрос в том, в каких секторах и на каких условиях»*.

Нирмала Ситхараман, министр финансов, подвела итог в октябре: *«Мы хотим инвестиций, но нам также нужны гарантии»*. В ноябре Б.В.Р. Субраманьям, глава правительственного агентства NITI Aayog, выступил за возвращение Индии в азиатское торговое соглашение ВРЭП, от которого отказались из-за опасений открытого рынка с Китаем. Наконец, в декабре Арвинд Панагария, председатель 16-й Финансовой комиссии, которая регулирует отношения между центром и штатами, предложил компромисс: ограничить китайские инвестиции только в некоторых чувствительных секторах и открыть остальные.

По мнению *Times of India*, Дели может взять на вооружение американскую модель *«маленького заднего двора с высокими заборами»*. По мнению *Hindustan Times*, правительство готовится разрешить китайским группам миноритарные совместные предприятия. И наконец, *Business Standard* выступает за *«многовекторность»* на фронте капиталов.

Виджай Гокале, экс-министр иностранных дел в правительстве Моди и бывший посол в Германии и Китае, призывает к более *«сглаженной»* политике в отношении китайского капитала, но предупреждает, что Пекин попытается *«скрытно»* включить Индию в свою цепочку поставок, отказывая ей в критически важных технологиях и материалах *«с целью задержать её усилия по "индигенизации"»*, то есть автономному развитию. Гокале – знаток китайских дипломатических возможностей и один из самых осторожных голосов в дискуссии об открытости. В книге *«The Long Game»* (2021) он описывает методы, используемые Пекином в ходе крупных двусторонних переговоров с Индией.

Тщательная подготовка каждого аспекта переговоров, как сути, так и протокола, является неотъемлемой частью китайской школы. Детальное знание предмета; тщательное изучение документации о предыдущих взаимодействиях по нему, включая государственные архивы других стран; анализ чужих дебатов по этому вопросу; зондирование по дипломатическим каналам и попытка выяснить ожидания противника на переговорах; сбор личной информации о ключевых участниках переговоров: всё это служит цели определить возможные точки сближения и расхождения до начала каждого переговоров, выбрать тон переговоров и диктовать повестку дня, контролировать направление переговоров и темы для обсуждения.

За тщательной подготовкой следует умелая тактика: это и просьбы об односторонних уступках в качестве благоприятного жеста для открытия переговоров, и использование китайской и иностранной прессы для влияния на них, и создание новых препятствий, которые впоследствии будут устранены в обмен на уступки. Гокале описывает театральность китайских переговорщиков, но предлагает внимательно следить за их риторикой, чтобы уловить её вариации.

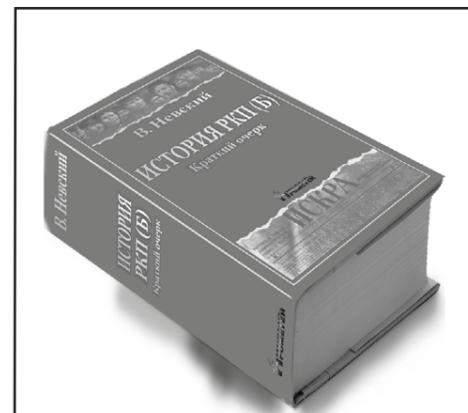
Далее следует репертуар дипломатических приёмов: искусно изученное использование английского языка и переводчиков; стремление установить иерархические отношения с собеседником, например, напомнив Индии о составе Совета Безопасности ООН; обращение к эмоциям и вежливости, манипулирование гостеприимством, озвучивание предварительных принципов, чтобы сдержать переговоры и сделать переговорщиков нетерпеливыми, запугивание страхом провала

переговоров, разделение переговоров на множество частей, чтобы получить наибольшее количество уступок на каждом этапе, настойчивый отказ, чтобы оценить, насколько далеко готов зайти собеседник, использование терпения против спешки, запись неофициальных переговоров через переводчиков и другие уловки. Даже в случае неудачи эти тактики всё равно внушают другой стороне страх остаться одуроченной мастерством многовековой дипломатии. Психологическому аспекту переговоров придаётся большое значение.

Китайская делегация напомнит о *«столетии унижений»* со стороны колониальных держав, чтобы вызвать сочувствие Индии, но при этом предположит, что законное восхождение Китая сдерживается *«американскими империалистами»*, чтобы намекнуть на индийскую политику баланс, унаследованную у британских империалистов; сегодня Нью-Дели ближе к Вашингтону, чем к Пекину. Именно так, это и есть *«многовекторность»*.

В *India Today* Гокале переворачивает парадокс зависимости: *«Сильный коммерческий интерес Китая в проникновении на индийский рынок должен быть использован для передачи технологий. Китаю нужен растущий рынок Индии, чтобы стать ведущей державой [...] Путь к индийскому рынку лежит через взаимную выгоду»*. Похоже, посол хочет подсказать аргументы для жёстких переговоров, которые укрепили бы китайское направление индийской *«многовекторности»*. Фоном, однако, остаётся подвешенным новый вопрос: если в послевоенный период предотвращение слияния промышленного потенциала Японии с демографической массой азиатского континента было константой американской политики в этом регионе и объективным содержанием войны во Вьетнаме, то какие последствия имело бы сегодня слияние демографической массы Индии и китайского капитала?

Lotta comunista, январь 2025 г.



В. И. НЕВСКИЙ История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

ЕС бросается за дерегулированием вслед за США

Как только 1 декабря открылся мандат нового состава Еврокомиссии, он взялся за работу над первыми инициативами. Одна из самых важных – “компас конкурентоспособности”, частью которого является “Чистый промышленный курс”. “Компас”, предназначенный для реализации предложений доклада Драги, также может быть связан со стратегическим диалогом о континентальной автомобильной промышленности. Ещё одной важной инициативой является разработка Белой книги европейской обороны.

Все эти начинания приурочены к электоральной кампании в Германии в подготовке к досрочным парламентским выборам 23 февраля. Таким образом, можно наблюдать, что скажут ключевые политические силы этой важнейшей европейской державы о направлении, в котором новая Еврокомиссия должна предпринять свои первые шаги.

Письмо Шольца

В начале января уходящий канцлер от Социал-демократической партии Германии изложил свои пожелания по экономической политике в письме на имя председателя Еврокомиссии. Список пожеланий Олафа Шольца можно резюмировать следующим образом: меньше бюрократии, больше конкурентоспособности за счёт внедрения большей гибкости и прагматизма в “Зелёный курс” и адресная помощь стратегическим секторам, таким как автомобильная, строительная и сталелитейная промышленность. Хотя *Frankfurter Allgemeine Zeitung* не сообщала особых подробностей об этом письме, некоторые христианские демократы из ХДС обвинили Шольца в краже их идей. Министр экономики Италии Адольфо Урсо похвалил подход Шольца, посчитав, что Германия присоединяется к призыву итальянского правительства пересмотреть “Зелёный курс”. Таким образом, это письмо имело влияние, выходящее за рамки СДПГ и самой Германии.

На саммите Европейской народной партии 17–18 января консерваторы под влиянием ХДС опубликовали два стратегических документа, призывающих к сокращению регулирования и введению мер по укреплению конкурентоспособности. Тон этих документов более враждебен по отношению к “Зелёному курсу”, по сравнению с предложениями социал-демократов и “зелёных”. Но есть и общий знаменатель, который также можно найти и у либералов СвДП: меньше “зелёных” правил, больше конкурентоспособности.

В этом смысле *дерегулирование*, за которое выступают сторонники Дональда Трампа, обнажает противоречия Европы, которая претендует на роль *регуляторной державы*, но при этом сдерживает приход новых капиталистов в новые технологии и принуждает автомобильную промышленность к *прокрустову ложу* законодательства о выбросах “Зелёного курса”. Дошло до того, что европейские группы, чтобы избежать штрафов ЕС, выкупают права на выбросы CO₂ у Tesla и BYD, то есть финансируют своих конкурентов на рынке электромобилей. Кроме того, поддержка в завершении создания *союза рынков капитала*, как можно заключить из

КАЯ КАЛЛАС: ОТ “ЖЕЛЕЗНОЙ ЛЕДИ” ДО ГЛАВЫ ДИПЛОМАТИИ

С 1 декабря 2024 года Кая Каллас станет Верховным представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности и вице-председателем Еврокомиссии. Четыре года назад она была назначена премьер-министром Эстонии, но до сих пор оставалась неизвестной широкой публике за пределами своей страны. Эстония с населением 1,4 млн человек является одним из самых маленьких государств-членов ЕС. Меньше населения проживает только на Кипре, в Люксембурге и на Мальте. Однако после вторжения России на Украину в 2022 году Каллас приобрела международную известность благодаря своей непоколебимой поддержке Киева и жёсткой линии в отношении Москвы. Её новый пост в Брюсселе также позволит ей оставить позади бурные события внутренней политики, где после 4 лет у власти её популярность резко упала. Одно из откровений лета 2023 года оказалось особенно разрушительным: компания, совладельцем которой был её муж, продолжала работать в России, в то время как Каллас публично призвала к разрыву экономических связей с Москвой и введению дополнительных санкций.

Эстонский патриотизм, либеристский европеизм и оппозиция России являются частью семейного наследия Каллас. Её прадед Эдуард Альвер был командиром Союза обороны Эстонии, основанного в 1918 году, а также начальником полиции. Её мать и бабушка подверглись сталинским депортациям в 1940-х и 1950-х гг.: мать, которой тогда было 6 месяцев, вернулась из Сибири в Эстонию только 10 лет спустя. Отец Сийм Каллас, который был членом КПСС с 1972 по 1990 год, после обретения Эстонией независимости в 1991 году проявил себя как экономический либерал и проевропейский чиновник. Будучи президентом центрального банка с 1991 по 1995 год, он отвечал за введение национальной валюты – эстонской кронны. Позднее он занялся политикой, став одним из основателей такого либерального формирования, как Партия реформ Эстонии. Занимая посты министра иностранных дел (1995–1996), министра финансов (1999–2002) и премьер-министра (2002–2003), он помог Эстонии стать членом ЕС. Его карьера завершилась десятилетием на посту европейского комиссара (2004–2014).

Кая Каллас, родившаяся в 1977 году, пришла в политику после завершения карьеры юриста. В 2011 году она была избрана в парламент Эстонии, набрав 7.157 голосов, от партии, которую основал её отец. Получив 21.498 голосов на европейских выборах 2014 года, она стала членом Европарламента. Четыре года спустя она вернулась в национальную политику и в 2021 году стала премьер-министром. Первый саммит Европейского совета, на котором она смогла лично присутствовать в качестве премьер-министра, состоялся 24–25 июня 2021 года. Это был также последний саммит Ангелы Меркель, канцлера Германии с 2005 по 2021 год. В книге *“Les aveuglés. Comment Berlin et Paris ont laissé la voie libre à la Russie”* (2023) Сильви Кауфманн описывает, как в тот раз Каллас занялась *«тотальным разрушением франко-германского предложения»* по организации саммита ЕС – Россия. Журналист *Le Monde* приводит аргументы Каллас: *«Мы всегда говорили, что не будем проводить саммит с Путиным, пока он не вернёт Крым. Но это условие не выполнено, так что же мы имеем? Это означало бы, что наше слово не имеет никакой ценности!»*. Выступив в лобовой оппозиции Меркель, Каллас могла помешать приглашению Владимира Путина на встречу с 27 европейскими лидерами в Брюсселе.

В своих мемуарах *“Freiheit”* (2024) Меркель излагает свою версию. Убедённая в том, что Минские соглашения зашли в тупик, и обеспокоенная отсутствием *«очных»* обсуждений из-за пандемии, во время которой Путин самоизолировался, Меркель считала необходимым встретиться с ним лично: она предложила это сделать во время последнего заседания Европейского совета после достижения соглашения с Эммануэлем Макроном. В совете это предложение было встречено отчасти с одобрением, отчасти с неприятием. Меркель написала, что решительное противодействие исходило в основном от премьер-министра Польши Матеуша Моравецкого, премьер-министра Эстонии Каллас и президента Литвы Гитанаса Науседы. Одним из их аргументов было то, что ЕС не согласовал общую политическую линию в отношении России. По словам же Меркель, встреча с Путиным создала бы необходимое давление для поиска общей линии среди европейцев. Более того, утверждала она, если американский президент разговаривал с Путиным, почему европейцы не могут сделать то же самое? Действительно, как вспоминает бывший канцлер в своих мемуарах, Джо Байден встретился с Путиным в Женеве 16 июня 2021 года. Кауфманн отмечает, что Байден не привлек никого из своих *«европейских друзей»* к *«этой встрече на европейской земле»*, и продолжает: *«Эммануэль Макрон и Ангела Меркель смотрят на этот саммит с ноткой горечи: когда они говорят с Путиным, их партнёры из Центральной Европы кричат о предательстве, но когда это делает президент Соединённых Штатов, никто ничего не говорит»*. Недавнее выступление министра иностранных дел Польши Радослава Сикорского проливает свет на такое поведение. По его словам, *«спока Европе не удастся отговорить Путина, Польша, очевидно, будет полагаться на НАТО и в крайнем случае на США»*. Вот почему, по его мнению, *«Европа должна находиться в стратегической гармонии с Соединёнными Штатами»*. Это означает, что *«мы не должны повторять ошибок войны в Ираке, когда Франция пыталась объединить Европу против Вашингтона, вызвав раскол между старой и новой Европой. Даже если Франция и была права в отношении Ирака, мы не хотим такого разделения»* (*Le Figaro*, 7.01.2025).

Некоторые задаются вопросом, является ли Каллас, уроженка этой *«новой Европы»*, настолько сильно сосредоточенная на антироссийской линии, подходящим кандидатом на пост председателя Совета министров иностранных дел ЕС и представителя общеевропейских интересов. *Politico.eu* цитирует слова дипломата: *«Если вы спросите Каллас, где находится Африка, она, возможно, ответит, что к югу от России»*. *Siiddensche Zeitung* предупреждает Каллас, что она потеряет доверие, если попытается заставить внешнюю политику ЕС следовать собственной жёсткой линии в отношении России с помощью чрезмерно резких публичных заявлений. Примером, которому не нужно следовать, является поведение её предшественника: *«Жозеп Боррель также хотел формировать европейскую внешнюю политику в качестве Верховного представителя по иностранным делам. К концу срока “Пепе”, как его тайно называли, европейские правительства уже не воспринимали его всерьёз»*.

Назначение Каллас означает не то, что ЕС принял линию стран Балтии во внешней политике, а скорее то, что европейский империализм считает, что может её использовать. Показательно, что в Эстонии, которая всегда выступала против выпуска общих облигаций, война на Украине сломала табу на эту тему. Каллас предложила эту форму долга для финансирования континентального перевооружения, немедленно получив поддержку Макрона. Это показывает, как голос стран Балтии – на первый взгляд эксцентричный по отношению к центру тяжести интересов европейского империализма – может включиться в общий хор в интересах перевооружения и централизации ЕС.

доклада Драги, отложила возможность того, что новые предприятия (стартапы) получают финансовый толчок со стороны специализированных венчурных фондов, способных действовать в континентальных масштабах европейского рынка.

Само собой разумеется, что в Европе, как и в Соединённых Штатах, стремление к *дерегулированию* не означает простого сокращения государственного контроля над экономикой: сохраняется потребность в усилении вмешательства государства в форме целенаправленной промышленной политики. Либеристский знак *дерегулирования* сопровождается возвращением *государственного капитализма*.

Процент перевооружения

Давление Трампа, вероятно, также способствовало достижению базового консенсуса среди основных немецких партий по вопросу перевооружения. Новый американский президент потребовал от своих европейских пар-

тнёров по НАТО военных расходов в размере 5 % от их ВВП. Более умеренный генеральный секретарь НАТО Марк Рютте заявил Европарламенту 13 января, что, скорее всего, потребуются расходы *«более 3 процентов»*.

Похоже, между ХДС/ХСС, СДПГ, “зелёными” и СвДП сложился негласный консенсус относительно необходимости долгосрочного увеличения расходов на оборону. Наиболее откровенно об этом высказался кандидат от партии “Зелёных” Роберт Хабек, призвав к доведению уровня военных расходов до 3,5 % ВВП (*Der Spiegel*, 4.01.2025).

“Зелёных” и социал-демократов сближает то, что обе партии прибегают к перевооружению, которое обосновывают необходимостью перед лицом российской угрозы и сомнений в надёжности американского союзника, как к поводу обойти лимит на увеличение госдолга. Ясно, что они призывают к реформированию немецкой системы долгового тормоза, а не к какой-либо форме европейского долга. Предвыборные деба-

ты по-прежнему остаются преимущественно национальными.

Расстановка сил

В последние месяцы политическая нестабильность во Франции и падение *«светофорной коалиции»* в правительстве Германии, а также новый мандат Урсулы фон дер Ляйен, поставили вопрос: стала ли Еврокомиссия парадоксальным образом сильнее в результате политических кризисов в Париже и Берлине или же она ослабла?

Консенсус, складывающийся в Германии среди ключевых политических сил по поводу повестки дня Еврокомиссии, предполагает третью возможность: фон дер Ляйен и *европейские полномочия* укрепятся за счёт сближения с правительством Германии, даже если политическая неопределённость в Париже сохранится. Но только при условии, что результаты выборов в Берлине не принесут никаких дестабилизирующих сюрпризов и что переговоры о новой коалиции не затянутся сверх установленного срока.

Сирийский кризис выявил пределы российской силы

Когда в 2015 году Москва начала прямую военную интервенцию в Сирии против баз ИГИЛ и в поддержку режима Башара Асада, это было воспринято как знак возрождения России как великой державы: это было первое военное развёртывание в зоне боевых действий за пределами территории бывшего СССР со времён вывода войск из Афганистана в 1989 году.

Певцы воскресения

Сергей Караганов, почётный председатель Совета по внешней политике и обороне (СВОП) и сегодня один из самых ярких сторонников войны на Украине, писал, что эта акция укрепила международное положение России, сделав 2015 год «одним из самых удачных в истории российской внешней политики» («Россия в глобальной политике». 2016. № 2).

Дмитрий Тренин, тогдашний глава Московского центра Карнеги, закрытого властями в 2022 году, возвращаясь к этой теме в своей книге 2018 года «What is Russia up to in the Middle East?»: Москва вернулась на мировую арену после 25-летнего отсутствия, продемонстрировав «сочетание реализма, сильной политической воли, знания региона, дипломатических навыков и армии на высоте положения»; то, что она стремится построить в евразийском ближнем зарубежье, – это «система отношений, в которой больше не доминируют США и которая не находится в тени одного «местного» гегемона, Китая», – замечание, которое нельзя не отметить. Однако в этой связи он также отдавал себе отчёт об ограниченности возможностей России, вызванных «недостаточными экономическими и финансовыми ресурсами».

Тезисы Генри Киссинджера

Эти тезисы, широко распространённые в России, а также подхваченные на Западе, были, так сказать, «наступательной» стороной мотивации интервенции. Однако наряду с ней не следует забывать и об «оборонительной» стороне: способе защиты от пугающего распространения терроризма со Среднего Востока на сферу влияния России, а то и на неё саму.

Этот аспект использовал в своём анализе того времени и Генри Киссинджер. Мы писали об этом на данных страницах в октябре 2015 года (теперь в книге «Crisi dell'ordine e pandemia secolare», Ed. Lotta Comunista, 2021). Бывший госсекретарь исходил из того, что российская интервенция «является последней симптомом утраты американской роли в стабилизации порядка» в регионе; это позволило осуществить «беспрецедентное в истории России развёртывание», вызов для США, с которым они не сталкивались «по крайней мере последние четыре десятилетия». При этом Киссинджер признавал обоснованность российских интересов в Сирии, связанных с необходимостью предотвратить превращение этой страны в базу для суннитского терроризма, подвергая риску Кавказ и мусульманские регионы России. Короче говоря, пишет Гуидо Ла Барбера, это был способ «отодвинуть суннитскую угрозу от российских границ».

Риск терроризма

Эта тема не сходит с уст россиян с начала «арабской весны» в 2011 году.

Руслан Пухов, директор Центра анализа стратегий и технологий (ЦАСТ), отметил «общее пессимистическое восприятие» в России последствий «весны», именно в части рисков террористических действий: «после многих лет исламского терроризма на Северном Кавказе российское общественное мнение на стороне Асада» (Moscow Times, 16 августа 2012).

Сам Владимир Путин, выступая 15 сентября 2015 года в Совете коллективной безопасности (высший орган ОДКБ), военной структуре, созданной странами бывшего СССР, говорил о том, что его беспокоит «возможный возврат» терроризма «на наши территории». Спустя две недели, 30 сентября, были совершены первые российские авианалёты на ИГИЛ и другие группировки, противостоящие режиму.

В тот же день, 30 сентября, Василий Кашин, также связанный с ЦАСТ, писал, что ИГИЛ укрепило свое влияние в Афганистане и бывших республиках СССР в Центральной Азии. Из этого он делал вывод, что перед Москвой стоят два варианта: бороться с ИГИЛ сейчас на Среднем Востоке или сделать это завтра на Кавказе и в Средней Азии, где потребуются наземные операции, что может привести к многочисленным жертвам. Вынужденный выбор.

В конце того же года Андрей Сушенцов, впоследствии директор Института международных исследований Университета МИД РФ (МГИМО), резюмировал три цели, которые Москва намеревалась достичь этой инициативой: ликвидировать инфраструктуру исламистского радикализма до того, как он сможет развиваться на границах России; поддержать сирийского союзника, гарантирующего Москве выход к Средиземному морю; дать понять, что Россия вернулась в число великих держав мира («Валдай», 1 декабря 2015).

Собака и хвост

Через десять лет после «арабской весны», в 2021 году, Андрей Картунов, тогдашний генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД), подведёт первоначальный итог этой инициативы. Россия могла считать себя победителем только «тактически», получив роль в регионе с помощью низкобюджетной военной операции, но за пять лет она так и не смогла разработать стратегию выхода. Отсюда вопрос о реальном влиянии, которое Москва смогла оказать на режим в Дамаске: «Кто всё-таки вертит кем – собаку хвостом или хвост собакой?» (РБК, 15 марта 2021). Иными словами, Картунов выражал сомнение, не оказалась ли Москва вовлечена в сирийский кризис на уровне, превышающем её волю и возможности.

Вскоре после этого война на Украине поставит Кремль перед проблемой выбора: как рационально использовать свои силы. В середине сентября 2022 года, после заключения соглашения с Турцией, последние российские войска покинут Сирию. В 2018 году их численность составляла 63 тысяч человек (Moscow Times, 15 сентября 2022).

Средиземноморье и Африка

Теперь падение режима Асада представляет собой несомненный шаг для Москвы. Судьба военно-морских и военно-воздушных баз на сирийском

побережье – это лишь самый заметный аспект: он касается российского присутствия в Средиземноморье, а также его проекции на Центральную Африку. Николай Сухов, арабист из ИМЭМО, Института мировой экономики и международных отношений, ранее возглавляемого Евгением Примаковым, подчёркивает, что «ни один наш транспортный самолёт туда долететь напрямую сейчас не может», поэтому «наша активная работа с африканскими странами сегодня напрямую логистически зависит от Сирии» («Россия в глобальной политике», 8 декабря 2024).

Вот почему Москва продолжает вести переговоры с Дамаском и особенно с Анкарой, но в то же время с осторожностью и не без проблем рассматривает возможность продвижения к Киренаике. Джалель Харчауи, исследователь лондонского аналитического центра RUSI, отмечает, что для того, чтобы добраться до Ливии, российским самолётам придётся запрашивать разрешение на пролёт у Турции (Le Figaro, 27 декабря 2024). Отношения с Анкарой имеют черты двойственности, в них есть основания для сотрудничества, такие как транзит газа, но имеются и точки напряжённости: например, на Кавказе, где Турция поддерживала Азербайджан в войне с Арменией за контроль над Нагорным Карабахом.

Стратегическая проблема

Проблема, с которой Москва сейчас сталкивается на Среднем Востоке, имеет, однако, ещё более общий характер: если интервенция в Сирии была воспринята как возрождение российской мощи, то как теперь следует воспринимать уход оттуда? По этому поводу в Москве идёт открытая дискуссия.

Пухов, чьи заявления 2012 года мы уже цитировали, сегодня на примере Сирии говорит о наличии серьёзных ограничений интервенционистской и «великодержавной» политики России: «У Москвы нет достаточных военных сил, ресурсов, влияния», она может действовать только «при снисходительном допущении со стороны других сильных держав» («Коммерсантъ», 8 декабря 2024).

По мнению Картунова, Россия лишилась своего «главного козыря», утратив роль единственной крупной державы в Сирии, «но всё же сохраняет несколько сильных карт», учитывая её долгое присутствие в регионе со времён СССР. В этом, не будем забывать, сыграл свою роль и Примаков, который именно на Среднем Востоке начал свою деятельность, официально как журналист, на самом деле как сотрудник КГБ.

Картунов, однако, называет и основную угрозу: учитывая этническую и религиозную сложность, пишет он, Сирия может стать вторым Сомали, то есть несостоявшимся государством, охваченным междоусобицами и восстаниями против центрального правительства («Коммерсантъ», 9 декабря).

Стратегическое перепозиционирование?

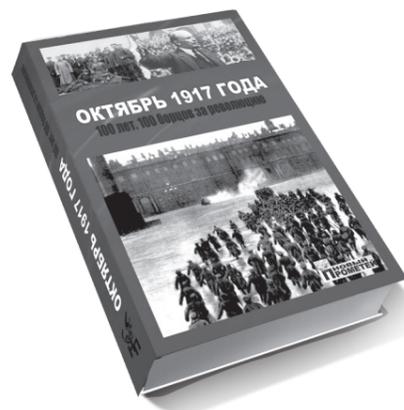
Наиболее глубокий комментарий прозвучал от Фёдора Лукьянова, председателя СВОП и редактора журнала «Россия в глобальной политике». Приведём его рассуждения, которые 10 декабря 2024 года опубликовал сперва журнал «Профиль», а затем ответственное медиа Russia Today. Россия ис-

пользовала своё военное присутствие для расширения влияния на Среднем Востоке и в Африке, и в этом смысле крах сирийского государства – это провал. Но в этом есть и возможность: «Россия как внешняя по отношению к этой части мира страна имеет возможность уйти (Иран такой роскоши позволить себе не может)».

По мнению Лукьянова, Москва может использовать кризис для корректировки своих обязательств и стратегического репозиционирования. Где? На Украине – экзистенциальный вызов, «здесь уже Россия выступает в роли игрока, который, как бы ни складывались обстоятельства, не может смотать удочки и уйти». Вывод он делает следующий. Тогдашний президент США Барак Обама назвал Россию «региональной державой», используя это как оскорбление. Однако сегодня, в условиях фрагментированного мира, «державы региональные, обладающие влиянием в непосредственной прилегающей к ним зоне, обеспечивают себе устойчивость и базу для развития». Поэтому, считает Лукьянов, укрепление роли доминирующей региональной державы должно быть целью Москвы. И регион, в котором Россия может и должна выполнять эту роль, – это её ближнее зарубежье, территория бывшего СССР. Именно там должна быть сосредоточена энергия, поскольку именно там решаются экзистенциальные проблемы.

С учётом той роли, которую Лукьянов играет в московском истеблишменте – возглавляемый им Совет работает в сотрудничестве с администрацией президента, министерствами иностранных дел и обороны, – его анализ заслуживает внимания. Он, безусловно, свидетельствует о том, что в высших эшелонах власти идёт дискуссия между теми, кто призывает сохранить активную проекцию на Средний Восток и Африку, и теми, кто предлагает перестроиться и сосредоточиться на жизненно важных направлениях. Развитие событий на местах, на Среднем Востоке и особенно на Украине, позаботится о том, чтобы дать ответы на дилеммы, которые ставят перед Кремлём пределы власти.

Lotta comunista, январь 2025 г.



Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология

ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Российские хроники

Анатомия власти и капитала

14 ноября 1996 года один из знаковых журналистов “лихих девяностых” Андрей Фадин опубликовал в либеральной “Общей газете” статью “Семибанкирщина как новорусский вариант семибоярщины”. Она знакомила российскую публику с интервью, которое незадолго до этого назначенный на пост заместителя секретаря Совета безопасности РФ Борис Березовский дал 1 ноября изданию британского Сити *Financial Times*. Березовский озвучил имена семи человек, которые, по его словам, контролировали более 50 % российской экономики и совместно влияли на принятие важнейших политических решений. Кто же входил в эту “всемогущую” семёрку? Сам Борис Березовский (группа “ЛогоВАЗ”), Михаил Ходорковский (“Менатеп”), Владимир Гусинский (“Мост”), Александр Смоленский (Столичный банк сбережений), Владимир Потанин (Онэксимбанк), а также Михаил Фридман и Пётр Авен (“Альфа-Групп”).

Нельзя сказать, что публикация *Financial Times* вскрывала какие-то тайные пружины функционирования российского государства, поразительным было скорее откровенное фанфаронство Березовского.

Как же в действительности устроена российская политическая система? Кто в ней принимает решения? Кто “делает” президентов, глав правительств? Насколько к ответу на эти вопросы приблизилась буржуазная политическая наука? Одной статьи недостаточно для ответа на эти вопросы. Но не поставив эти вопросы, невозможно дать на них ответ.

Russia, Inc.

Под таким заголовком к интервью Березовского обратился 12 ноября того же года *The Moscow Times*, газета голландского медиамагната Дерка Сауэра. Издание скептически отнеслось к заявлениям Березовского, считая, что он, как настоящий политик и бизнесмен, старается набить себе цену. Под сомнение ставилось и всемогущество семёрки: в качестве опровержения газета среди прочего указывала на такой факт, что за пределами семибанкирщины остались газовая монополия “Газпром” и нефтяной гигант “Лукойл”, к которым мы можем добавить десятки других крупнейших групп российского капитала, включая РЖД, Сургутнефтегаз, Северсталь и т. д. Каждая из них обладала сопоставимым с семибанкирщиной влиянием. Достаточно вспомнить, что именно с “Газпромом” был связан глава российского правительства того времени Виктор Черномырдин.

Как бы то ни было, тема явно привлекала внимание, и статьи о роли крупных капиталистов в российском государстве продолжали появляться с завидной регулярностью. Трудно сказать, чего в этом было больше – то ли политического использования, то ли стремления заработать: газеты с публикациями на эту тему разлетались словно горячие пирожки.

Так, учреждённая Владимиром Гусинским газета “Сегодня” 16 апреля 1998 года пересказала статью, опубликованную 2 апреля того же года британским журналом *The Economist* под заголовком “Магнаты, стоящие за политиками (кто на самом деле будет управлять новым правительством России)”. Статья сопровождалась таблицей из восьми российских *powerhouses* (властных домов), и в ней за “Газпромом” следовал “Березовский”. Наряду с данными о контролируемых активах, таблица содержала явно упрощённые сведения об

“интересах в СМИ” и неизвестно кем подкасанную информацию о “политических сторонниках”. Неудивительно, что заведующий отделом политики газеты “Сегодня”, опытная акула пера Георгий Бовт, в ироническом стиле отмежевался от всякой ответственности за приводимые в таблице сведения.

В феврале 1999 года *The Economist* вернулся к теме. Количество магнатов увеличилось до девяти, а на первой строчке оказался мэр Москвы Юрий Лужков, который в то время был в центре борьбы за власть. Правительственная “Российская газета” 20 февраля того же года воспроизвела данные, опубликованные британским журналом, сопроводив их комментарием о том, что под ударами финансового кризиса и по причине назначения главой правительства Евгения Примакова “кумовские капиталисты” находятся в прострации.

8 апреля 2004 года газета “Время новостей” опубликовала статью, посвящённую очередному докладу Всемирного банка о состоянии российской экономики. В докладе утверждалось, что треть российской экономики принадлежит 23 частным бизнес-группам. Представивший доклад главный экономист представительства Всемирного банка в России Кристоф Рюль предлагал не называть владельцев этих групп “олигархами” из-за слишком негативного оттенка этого слова.

Списки магнатов капитала могут отличаться по количеству включённых в них лиц, по методологии анализа, но речь всегда будет идти о частичном, неполном видении действительности.

Спор о словах и буквах

Западные буржуазные эксперты, а также их последователи в России, уже не одно десятилетие ломают перья и головы, пытаясь найти правильное название правящему классу Кремля и построенной им политической системы.

В нулевых годах Россия обогатила английский язык новым термином – “siloviki”. Знаковый факт. В 2006 году американский политолог Дэниел Трейсман предлагал назвать политический порядок, возникший с приходом к власти Владимира Путина, “силовархия”, соединив упомянутый термин с “олигархией”. Российское государство, утверждал он, контролируют ветераны спецслужб и бывшие военные. Экономист Маршалл Голдман, автор книги *Petrostate: Putin, Power, and the New Russia* (2008), вероятно, не знакомый с размышлениями своего соотечественника Трейсмана, ввёл в обращение новый термин – “силогарх”.

Нам неведомо, как одна буква меняет соотношение между силовиками и олигархами в *действительной* российской политике, но очевидно, что выхватывая те или иные, даже важные, факты, подобные исследователи, телеологически ставящие перед собой задачу доказать особый, отличный от “правильного” западного капитализма характер России, не добавляют ничего нового к тому, что было написано ещё в XIX веке сторонниками особого русского пути Николаем Данилевским и Фёдором Тютчевым. А сегодня они смыкаются с Александром Дугиным и Сергеем Карагановым: и те, и другие идут по тупиковому пути. Подобная физиогномика ни на шаг не приближает к пониманию сущности внутренней и внешней политики российского империализма.

Разговор по понятиям

Да, уже в самом начале *долгого президентства* Владимира Путина на

ключевых постах российского государства значительно возрос удельный вес людей в погонах. Автор книги “Анатомия российской элиты” (2004) Ольга Крыштановская на основе проведённых исследований указывает, что при Путине каждый четвёртый представитель “элиты” стал выходцем из силовых структур, что в два с лишним раза выше, чем было при правлении Бориса Ельцина. Тому есть вполне конкретная историческая причина. За распадом СССР последовала реформа КГБ и сокращение армии, что выбросило из привычной среды примерно 300 тыс. офицеров и генералов. Эти люди не только обладали специфическими навыками, но и имели связи на высшем уровне. Этим воспользовались коммерческие структуры, которые занялись созданием служб безопасности, экономической разведки, информационно-аналитических управлений. С укреплением вертикали власти в начале правления Путина круг замкнулся: из финансовых и промышленных групп бывшие офицеры КГБ вернулись в более привычную им среду обитания.

Но может ли это служить доказательством особого, иными словами, некапиталистического, менее капиталистического, недокапиталистического характера российского государства? В России существуют капитал и наёмный труд, следовательно, государство не может быть никаким иным, кроме как капиталистическим.

О мнимом тождестве

В России, по данным Минфина, на конец 2019 года, было без малого 2,4 млн чиновников. Колоссальная армия. Это она правит Россией, а капиталисты у неё на побегушках – такова ещё одна весьма распространённая идеология. Идеология же, напомним, – это не обман, а скорее самообман. Это такое искажённое зеркало, в котором действительность отражается преломлённой в головах идеологов одной из фракций капитала, которые ошибочно принимают свои мысли о действительности за саму действительность.

Молодой Карл Маркс, критикуя гегелевскую философию права, обращал внимание, что «бюрократия есть лишь «формализм» лежащего вне её самой содержания»¹. Следовательно, природа бюрократии определяется не какими-то её собственными характеристиками, а лежащим вне неё самой содержанием. Достигнув повсеместного господства, буржуазия не оставила бюрократии “ничего святого”, «никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного “чистогана»². Хотя бюрократия и пытается представить себя эманацией всеобщих интересов государства, она, безусловно, не забывает извлекать частную выгоду, демонстрируя вполне буржуазные аппетиты. «Что касается отдельного бюрократа, – пишет Маркс, – то государственная цель превращается в его личную цель, в погоню за чинами, в делание карьеры». За мнимым тождеством бюрократии и государства скрывается реальная противоположность не только частных интересов отдельного бюрократа, но и интересов множества групп и фракций капитала.

Как и всякой иной специфической деятельности, бюрократии присущи собственные “профессиональные заболелания”: заняв чиновничье кресло, человек начинает отождествлять свой ограниченный ум с государственным разумом. Но поскольку эти

сверхчеловеческие свойства не достаются чиновникам равномерно, а распределяются иерархично, в соответствии с занимаемой должностью, то принципом знания бюрократии становится «авторитет», а «обоготворение авторитета» превращается в «её образ мыслей»³.

Хотя буржуазия и ропщет время от времени по поводу бюрократических препон и регламентов, с тех пор как она поставила управление государством под собственный контроль, она лишила бюрократию всяческой самостоятельности, превратив её представителей в своих покорных слуг. В ряды бюрократии буржуазия сплавляет свою “резервную армию” и из неё же рекрутирует менеджеров высшего звена. Таким образом, бюрократия при капитализме связана с буржуазией, как пишет Владимир Ленин, «тысячами крепчайших нитей»⁴.

Очевидно, что этот анализ применим к бюрократии как Москвы, так и Вашингтона, его можно с меньшим успехом использовать и в отношении китайских мандаринов, а бунты против брюссельской бюрократии, хотя, возможно, они заинтересовано преувеличены российскими СМИ, указывают на то, что и на родине капитализма ситуация в этом плане не очень сильно отличается от кремлёвской.

Обыкновенный капитализм

Градации и вариации российской империалистической демократии можно понять лишь через изучение Монблана конкретных фактов: соотношения отраслей и фракций капитала, веса и различий регионов.

В российской экономике традиционно высока доля государственного капитала. По данным Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, она выросла с 47,3 % в 2016 году до 56,2 % в 2021-м. Это максимум с начала наблюдений в 2000 году. Это колоссальная, но отнюдь не монолитная сила состоит из множества групп калибра РЖД, Сбербанк, “Ростех” и “Росатом”. Каждая из этих групп имеет собственные интересы, текущее столкновение вокруг ставки Центрального банка тому подтверждение.

Доля нефтегазового сектора в ВВП в 2021 году составила 17,4 %, что сопоставимо с показателем Норвегии и Казахстана, но далеко от нефтегазовых монархий Персидского залива.

Государственный капитал и нефтегазовый сектор важная часть российской экономики, основой которой, безусловно, являются крупные группы. В последнем предвоенном анализе 50-и крупнейших групп России мы указывали, что их совокупный товарооборот сопоставим с 50 % ВВП. При этом нельзя забывать и о том, что пятая часть ВВП производится субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП), в которых занято 31,45 млн человек, или 41,4 % рабочей силы.

Сведения частных интересов отдельных групп к общей линии и является одной из функций демократии как наилучшей оболочки классового господства капитала.

Февраль 2025 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 1. С. 270.

2 – Там же. Т. 4. С. 426.

3 – Там же. С. 272.

4 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 1. С. 440.

Сопротивление в Чехословакии: от Мюнхена 1938-го до 1945 года

На Мюнхенской конференции (сентябрь 1938 г.) европейские державы под предлогом реализации «права наций на самоопределение» отдали Германии Судетскую область – часть Чехословакии, населённую преимущественно немцами. Шесть месяцев спустя нацисты также оккупировали территорию Чехии (Богемию и Моравию), а Словакия стала независимым государством во главе со священником Йозефом Тисо при полной поддержке католического духовенства. Чехословакии больше не существовало, и президент Эдвард Бенеш сформировал правительство в изгнании в Лондоне, прекрасно понимая, что ему придётся иметь дело также и с СССР.

Нацисты развернули там репрессии ещё до начала мировой войны, однако на заводах и транспорте начались диверсии, а на улицах столицы – демонстрации. Тысячи арестов и регулярные захваты людей в заложники вынудили глубоко пострадавшие организации Сопротивления отказаться от массовых инициатив.

Движение сопротивления между Лондоном и Москвой

Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), очевидно подконтрольная Сталину, принимала участие в этих первых акциях Сопротивления, но с подписанием пакта между Гитлером – Сталиным в августе 1939 года сменила подход. Партийная пресса начала превозносить «доблестных немецких рабочих в военной форме» и осуждать «западных империалистов», виновных в развязывании войны, сообщает Артуро Перегалли (*“Il patto Hitler-Stalin”*, 1989).

После нападения Германии на СССР в 1941 году КПЧ вернулась к предложению создать «единый патриотический фронт» против Германии, но глубокие разногласия внутри Сопротивления сохранялись до конца конфликта. В самой КПЧ противостояли друг другу чешский компонент, стремящийся к труднодостижимому объединению усилий с демократами и военными, и словацкая составляющая, столь же сталинистская, но воспринимавшаяся из Москвы «сектантской и левацкой».

27 мая 1942 года два агента, посланные Бенешем, устранили печально известного генерала СС Рейнхарда Гейдриха, виновного в массе арестов, казней и депортаций. Возмездие было ужасным: 10 тыс. человек были взяты в заложники, 1,8 тыс. казнены незамедлительно, устроена резня в деревнях Лидице и Лежаки. Сопротивление Богемии и Моравии вернулось к деятельности только в последние дни войны.

Молодые рабочие и студенты

Как пишет Джорджио Ваккарини, участник партизанских бригад “Справедливость и свобода”, ставший впоследствии историком, в своём труде *“Storia della Resistenza in Europa 1938–1945”* (1981), чешская промышленность работала на полную для ободования Германии и Словакии продовольствием. Условия жизни были сносными: заработная плата была не меньше немецкой, молодёжь была освобождена от военной службы. Демонстрации и забастовки (пусть и подавляемые) скорее продолжали переговоры об условиях труда, чем представляли действия Сопротивления.

В ноябре 1939 года, после молодёжных демонстраций и арестов среди учителей, Дом студентов в Праге был окружён, а находившиеся там 1,2 тыс. молодых людей – отправлены в концлагерь; семеро были расстреляны на месте.

В нашем исследовании мы прослеживаем историю движения Сопротивления как часть классовой борьбы, имеющая свою собственную динамику. Забастовки с экономическими требованиями и студенческие демонстрации разбивались об ожесточившиеся репрессии. Это вызвало переход протестующих к

организации подпольной работы, к вооружённой обороне, а также привело к созреванию политического сознания у главных героев такой борьбы.

У Ваккарини мы находим сведения о группе *“Předvoj”* (“Авангард”), состоявшей «из студентов, которые после закрытия университетов оказались рабочими на фабрике». Их отношение к марксизму «обращалось к истокам и было “прямым и идейным”, очевидно “не согласованным и не совпадающим” с линией партийных учреждений». Группа отдавала предпочтение действиям, возглавляемым рабочим классом, считая это единственной гарантией того, что «революция не остановится на полпути, что она не угаснет».

Эти молодые люди, как и аналогичные группы во всех европейских движениях Сопротивления, «жаловались, что “предыдущие организации” не поняли, каким должен быть революционный путь экономически развитого общества, и ограничили свой взгляд текущими потребностями борьбы с нацистами».

Восстание в Словакии

В Словакии местная сталинистская Компартия Словакии (КПС), связанная с забастовками шахтёров 1940 года,

создала на горной территории свои собственные вооружённые отряды. КПС с её «классовой непримиримостью» не подпускала к себе «демократических» союзников и «явно отходила» от политики национального фронта, на которой настаивала Москва. КПС, пишет Ваккарини, хотела «совместить социальную революцию с освободительной борьбой», превратив национальные комитеты «в настоящие модели советов».

Не стоит удивляться тому, что принцип “классовой непримиримости” в тех условиях оборачивался полным доверием к СССР, оставаясь в плену идеологии русского государственного капитализма, – это происходило тогда по всей Европе (в Италии в том числе). Эти искажённые политические и идеологические формы часто приводили к поражениям: через них в простейшей форме находила своё выражение классовая оборона, а также широко распространённое стремление масс к “социализму”. После революционного Октября 1917 года прошло не так много времени, ещё не было осознания произошедшей сталинистской контрреволюции. СССР выстоял в Сталинграде, самоотдача в формировании, связанных с Москвой и обманутых сталинизмом, всё ещё сохраняла характер настоящей классовой обороны, – в то время как другие участники Сопротивления представляли собой националистический или демократический лагерь, связанные с партиями, уже потерпевшими поражение в прошлом.

Однако сталинисты в конце концов пришли к согласию с этими партиями, создав Словацкий национальный совет (СНС). 29 августа 1944 года генерал Голиан (подчинявшийся Бенешу) объявил о начале восстания. Никита Хрущёв, тогда первый секретарь Киевского обкома КП(б) Украины, не одобрил эту инициативу, которая позволила бы «прийти к власти силам, лояльным эмигрантскому правительству» в Лондоне. Результатом стало «отсутствие оперативной координации» между руководством СНС и организациями парашютного десанта со стороны СССР.

Ваккарини подводит итог: под предлогом затруднений с переправой через Карпаты «вход советских войск в Словакию для поддержки партизанских сил произошёл уже после того, как военное восстание, начатое СНС, было окончательно подавлено», обернувшись 10 тыс. убитых и тысячами депортированных.

С чешской стороны 1 мая 1945 года остановили работу шахтёры, затем забастовка, переходя в восстание, достигла Праги, где 100 тыс. человек «с энтузиазмом бросили все силы на возведение баррикад». После нескольких дней кровопролитных боёв (10 тыс. убитых в городе и окрестностях) немцы капитулировали. В августе войска СССР вошли в Прагу, которую по соглашениям между союзниками отдали под контроль Москвы. Сопротивлению и здесь пришлось подчиниться.

Чехословацкие партизаны в Италии

Ваккарини также реконструирует малоизвестные события чехословацкого Сопротивления в Италии, происходивших с участием одного из важнейших католических центров этой страны. Отец Джорджио (Иржи) Веселый, профессор славянской филологии Миланского католического университета, поддерживавший контакты с правительством Бенеша в Лондоне, был капелланом чехословацких батальонов,



Чехословацкие партизаны в долине Оссола.

которые нацисты перебросили в Италию в мае 1944 года, так как те были «запятнаны связями с Сопротивлением у себя на родине». Отец Джорджио имел доступ к военным частям и организовывал переход чехов в ряды партизан, списывая это на «потери», понесённые в столкновениях, и «взятия в плен». После войны он был арестован сталинистами у себя на родине, но позже оправдан.

В провинции Турин состоялись сотни подобных «переходов»: VIII батальон; VII батальон – 2 офицеров и 73 рядовых; XII – 4 офицеров и 118 рядовых; XI батальон в Валь-ди-Суза; целый батальон на озере Маджоре и другие. Чехословаки успешно участвовали во множестве сражений, оставив павших при Церезоле, в Валь-ди-Суза, в Валь-Сангоне.

Ада Гобетти, жена Пьеро Гобетти, ставшего жертвой фашистов в 1926 году, участвовала в Сопротивлении в долинах Турина. В своём «Дневнике партизана», опубликованном издательством Einaudi в 1956 году, она описывает своё удивление при встрече с партизанским формированием, состоявшим из чехословаков.

По её словам, Дуччо Галимберти, глава движения “Справедливость и свобода”, осматривая свои формирования 26 июля 1944 года, был особенно впечатлён «отрядом чехов, бежавших в горы с железнодорожных пунктов взимания платы, куда их поставили в караул немцы. [...] Чехи подошли без единого выстрела, привезя с собой всё своё снаряжение, обмундирование, оружие, одеяла, палатки, кастрюли и сковородки. Здесь они поставили свои палатки и содержат всё в идеальном порядке: очень блестящие горшки, очень чистая форма, идеально начищенное оружие. Они образуют собственную группу со своим лидером, организованы и очень дисциплинированы».

Ада Гобетти вспоминает ещё одно удивившее её обстоятельство 19 сентября 1944 года, хотя и говорит о нём со скепсисом. Кафе на станции Сант-Антонино «было полно немцев, ожидающих поезда». «[Они], видимо, перепили отравительной марсалы, [и] из-под обычной бесстрастной и механически свирепой маски пробивалась их личная, грубая человечность: им хотелось брататься со всеми; они предлагали свой хлеб и свои вещи; они показывали фотографии своих жён и детей. Когда кто-то в комнате заиграл мелодию на аккордеоне, они с готовностью поддержали, и начали неуклюже танцевать друг с другом. В какой-то момент они даже начали петь “Интернационал”».

Это эпизод, который показывает сохранение классовой традиции среди немецких солдат, которую очень немногие смогли уловить и почти никто не решился возloatить, чтобы поставить перед ней революционные цели.



1939: баррикады в Праге.

Неопределённое перемирие в Газе

Бывший генерал Гершон Хакоэн в своей статье в "Израэль Хайом", популярной бесплатной израильской газете, заявил по поводу падения режима Башара Асада, что «стратегическая логика» на Среднем Востоке действует как «сложная экосистема»: «*малейшее изменение может вызвать каскадный эффект*». В регионе «мир является скорее "худшой" – перемирием или периодом спокойствия – в бесконечном цикле». Хакоэн настаивает на дальнейшем продвижении Израиля на Западном берегу и считает, что создание палестинского государства станет «экзистенциальной угрозой для Израиля». По его мнению, никакие переговоры не смогут отменить «глубоко укоренившиеся амбиции»: амбиции Турции, которая оказалась главным победителем в сирийской игре, «уходят корнями в османскую историю»; амбиции Ирана – в традиции «древней Персидской империи».

Пришедшая к власти в Дамаске джихадистская группировка ХТШ использует в своём названии термин «*Биляд аш-Шам*», буквально «*регион левой руки*» (т. е. слева от Аравийского полуострова), или «*Великая Сирия / Исламская Сирия*». Во времена четырёх арабских халифатов, с VII по XVI век, эта территория была разделена на четыре аджнада, военных округа (Дамаск, Хомс, Иордания и Палестина).

“Ураганы”, “огненное колесо” и коридоры

По мнению Хакоэна, «*Средний Восток – это не просто шахматная доска, он сравним с атмосферной системой*», где формируются «ураганы», наносящие удары с «силой, неподвластной человеку». Израиль «не может гарантировать себе абсолютное превосходство» во всех возможных сценариях. Конфликт в Газе, где было достигнуто перемирие, которое большинство наблюдателей считают более чем хрупким, попадает в категорию, о которой говорит Хакоэн.

Террористическая атака, совершенная ХАМАС 7 октября 2023 года, вызвала целую серию цепных конфликтов, начиная с Ливана и заканчивая ракетным противостоянием между Израилем и Ираном и, в конечном счёте, падением режима Асада; вместе взятые, эти кризисы перепределили баланс в регионе. По мнению британского арабиста Тима Маккинтоша-Смита («*Arabs*», 2019), региональная история отмечена «огненным колесом»: постоянным чередованием единых порывов и жестких расколов, усиливаемых вмешательством внешних сил. Если подобные формулировки очаровывают, то топливом для конфликта, разжигающего исторические, религиозные и этнические антагонизмы, является как концентрация энергетической ренты, так и соперничество между региональными державами, а также между империализмами, старыми, новыми и потенциальными.

Война в Газе на сегодняшний день – самая кровавая глава в конфликте между еврейским и арабским национализмом, унёсшая около 50 тысяч жизней, если добавить к ним жертвы на ливанском фронте. ХАМАС предпринял свою военную авантюру, чтобы утвердиться в качестве главной силы палестинского национализма, но в то же время он пытался сорвать соглашения, которые угрожают исключить его из региональной игры, так называемые «соглашения Авраама», направленные на нормализацию отношений между Израилем и арабскими странами,

разработанные первой администрацией Трампа и продолженные администрацией Байдена. Это попытка установить баланс между антииранскими силами, которая имела и антикитайское измерение: противостоять проникновению Дракона в регион, противопоставить “Шёлковому пути” Пекина «хлопковый путь», коридор ИМЕС (Индия – Средний Восток – Европа).

В условиях тупиковой ситуации в Газе, пишет *Nikkei*, Объединённые Арабские Эмираты в конце декабря, по некоторым данным, проинформировали Индию о готовности принять участие в проекте. Дели продолжает строительство газопровода между Гуджаратом и Оманом. Анкара, однако, уже выступила против исключения Турции при запуске инициативы ИМЕС в сентябре 2023 года, о чём заявил президент Реджеп Тайип Эрдоган. Со своей стороны, Тегеран использует своих марионеточных союзников, так называемую «ось сопротивления» (от шиитских ополченцев в Ираке до хути, Хезболлы и ХАМАС), чтобы через посредничество Китая добиться разрядки в отношениях с соперником Эр-Риядом. Пекин не бездействует, и, согласно *Nikkei*, вскоре после вступления в силу перемирия в Газе Китай и Пакистан объявили о «*полноценном функционировании*» порта Гвадар. Вместе с нефтяным терминалом в Джаске (Иран) они являются для Китая двумя «стратегическими активами» для обхода Ормузского пролива, которые потенциально могут обеспечить «альтернативные морские пути для всего азиатского региона».

Инклюзивный Эр-Рияд

Абдурахман аль-Рашед, бывший директор суннитской вещательной компании “Аль-Арабия” и ежедневной газеты “Ашарк аль-Аусат”, близкий к саудовской монархии, говорит, что 2025 год открывается на позитивной ноте. В Ливане, как утверждает, была создана «*новая система*» благодаря ослаблению “Хезболлы” и двойному избранию президента и премьера: Джозефа Ауна, маронита и бывшего начальника генштаба, и Навафа Салама, араба-суннита и бывшего председателя Международного уголовного суда. В Сирии «*появилось другое руководство*». Наконец, «*Хамас, похоже, становится частью ПНА*», а Тегеран, на глазах которого «*испаряется*» то, что он приобрёл за срок лет, переоценивает свою «*мечту об экспансии*» в «*восточном арабском мире*». По мнению саудовского комментатора, Иран должен стремиться к участию в «*новом региональном консенсусе*» и «*стремиться к миру и сотрудничеству с арабскими государствами*», чтобы «*поддержать палестинцев [...], упрощив их дело*».

Проверить это видение может Ливан. По мнению *Le Monde*, выход из институционального тупика в Бейруте после прекращения огня с Израилем в конце ноября произошёл благодаря действиям Саудовской Аравии и Катара. Обе нефтемонархии, как утверждает, выделили средства на восстановление страны в обмен на договорённость о президенте, традиционно являющемся представителем марионеточного меньшинства. Во втором туре к этому добавились голоса “Хезболлы” и “Амаль”, двух основных шиитских формирований. Менее единодушным было назначение премьера, навязанное шиитской общине, которая могла бы в ответ опозорить легитимность исполнительной власти. Шииты, продолжает корреспондент *Le Monde*, являются третьей по величине

религиозной общиной Ливана, наряду с арабскими суннитами и христианами. Но ни для кого не секрет, что сейчас они составляют демографическое большинство.

Страна кедров с её конфессионально-общинной системой распределения должностей – это микроскоп, в котором отражается весь регион, и потенциал этих традиций поистине взрывоопасен. Эр-Рияд хорошо об этом осведомлён. По данным французской газеты, после своего «авантюрного» дебюта с войной в Йемене наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бин Салман выбрал благоразумие. Это проявилось и в том его мнении, что «*рыночное решение*» Соглашений Авраама может возобладать над «*приматом политики*» в регионе. Это политическое измерение «*вспыхнуло перед его лицом*» 7 октября в Газе. От внимания Эр-Рияда, как отмечает *Le Figaro*, не ускользнуло, что «*Палестинский исламский джихад*», гораздо более тесно связанный с Тегераном, чем ХАМАС, также подписал соглашение о прекращении огня, что свидетельствует о молчаливом одобрении Ирана.

“Гусар” Трамп

По мнению Джона Альтермана, директора средневосточной программы Центра стратегических и международных исследований (CSIS), после прекращения огня, похоже, произошёл раскол в руководстве Израиля и ХАМАС между группой лидеров, обосновавшихся в Катаре, и той, что находится в анклавной Газе. Коалиция Биньямина Нетаньяху теряет поддержку партии Итамара Бен-Гвира “Еврейская сила” и вынуждена давать гарантии другому формированию «*партии поселенцев*» – “Религиозному сионизму” Бецалеля Смотрича. Чтобы сохранить последнюю в правящей коалиции, Нетаньяху, как сообщается, санкционировал военную интервенцию против палестинских ополченцев в Дженине и на остальной территории Западного берега.

Операция уже была начата в декабре силами безопасности Палестинской национальной администрации, с тем чтобы зарекомендовать себя для будущей руководящей роли в Газе. Но, по мнению *Le Monde*, в глазах палестинцев решение Рамаллы укрепляет её репутацию «*израильского колаборациониста*». По мнению Альтермана, ХАМАС воспользовался поводом освобождения трёх израильских заложников, чтобы «*продемонстрировать свою силу*» и присутствие на территории, на которой, согласно соглашениям, он выполняет полицейские функции. Что касается Дональда Трампа, то, навязав Нетаньяху условия, он одержал «*дипломатическую победу*» ещё до вступления в должность. Но это обоюдоострый результат: он считает себя «*хозяином перемирия*», так что в случае срыва соглашения, о возможности которого новый президент публично напомнил, «*поражение*» будет засчитано ему.

По мнению Эли Барнави, бывшего посла Израиля во Франции, парадокс заключается в том, что Трамп, «*грубый человек, не разбирающийся в международных отношениях*», дал израильским левым то, чего не смогла добиться администрация Джо Байдена, имевшего «*пятидесятилетний опыт в арканах мировой политики*». «*Гусарское поведение*» Трампа, которого ждали как «*спасителя израильских правых*», сработало. Во время «*напряжённой дискуссии*» между Нетаньяху и посланником Трампа Стивеном Виткоффом, ещё одним

магнатом недвижимости, последний, как говорят, сказал: «*Босс хочет, чтобы война закончилась*». По мнению дипломата, это напоминает отношения между «*Леонидом Брежневым и младшими братьями с ограниченным суверенитетом*» в сфере влияния СССР.

Однако легендарная непредсказуемость Трампа заставляет быть осторожными в прогнозах. Ему хотелось бы окончания войны, дипломатической нормализации отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом, а также «*Нобелевской премии мира*». Со своей стороны, саудовцы готовы на это, но при условии, что они возьмут на себя обязательства по «*будущему*» решению «*палестинского вопроса*», когда ПНА вытеснит ХАМАС. Эр-Рияд, можно добавить, присутствовал при подписании «*Пекинской декларации*» между ООП, ХАМАС и “Исламским джихадом” в июле прошлого года. Это своего рода рамочная программа примирения между ФАТХом и ХАМАСом и присоединения последнего к ООП. Нетаньяху, со своей стороны, устранив в Тегеране главу политического крыла ХАМАС Исмаила Ханию, сорвал это соглашение.

Паузы и возобновления “борьбы за влияние”

Фредерик Шарильон, бывший директор парижской военной школы IRSEM, а ныне профессор международных отношений в INSP (Национальный институт государственной службы; бывшая ENA – Национальная школа администрации), отмечает, что региональные условия скорее способствуют возрождению «*борьбы за влияние*», чем спокойствию. Столкновение происходит между «*великими полюсами, создающими религиозные доктрины*»: Тегераном, Анкарой и Эр-Риядом. А также между «*сторонниками сетей “Братьев-мусульман”*», Анкарой и Дохой, и их «*противниками*», Эр-Риядом, Дубаем, Каиром и Амманом. К этой картине также следует добавить энергетическую ренту и великие державы.

Нефтемонархии занимают разные позиции. Катар, крупнейший производитель газа, хочет сохранить «*промежуточное положение*» как в отношениях с Тегераном, так и с «*различными политическими или военно-политическими формированиями*», которые являются полезными инструментами его влияния. Дубай, который спокойно выстраивает «*позицию региональной власти*», не желает выступать с «*слишком сильными*» инициативами. Эр-Рияд культивирует свой статус “первого среди равных”, но с трудом находит ему «*конкретное дипломатическое выражение*».

Это региональная неопределённость, в которую вмешивается глобальная напряжённость: Россия занята в Украине; китайцы относятся «*ко всем партнёрам с осторожностью*» и без «*чрезмерных обязательств*»; ЕС, похоже, прежде всего размышляет, как реагировать на «*демонстративные намерения*» Трампа, начиная с Гренландии. Наконец, предстоит проверить осмысленность позиций Трампа. Остановит ли он Нетаньяху, если тот возобновит «*спираль войны*» против Тегерана или решит нарушить перемирие? Погоня за сиюминутными результатами чревата продолжением «*спуска в ад*» на Среднем Востоке. То есть новый виток огненного колеса.

Выборы в США

Поражение демократов в голосовании городов

Тщательный анализ промежуточных выборов 2022 года выявил симптомы болезни Демократической партии, которые затем проявились в полную силу на последних президентских выборах в виде резкого снижения поддержки демократов в их традиционных оплотах – мегаполисах Нью-Йорка и Чикаго, а также в штате Калифорния.

Предвиденное поражение

Количество голосов за республиканцев выросло с 51 млн на промежуточных выборах 2018 года до 54 млн в 2022-ом, то есть на 3 млн, в то время как количество голосов за демократов рухнуло на 10 млн – с 61 до 51 млн. Республиканцы получили только 3 голоса из каждых 10 голосов, потерянных демократами, остальные 7 не были отданы никому. В 2022 году мы анализировали выборы в районах Нью-Йорка, названия которых известны каждому, пусть даже только по фильмам и сериалам. В Бронксе, где среднегодовой доход домохозяйства составляет 35 тыс. долл., демократы потеряли 52 тыс. голосов, а республиканцы набрали 10 тыс. В Бруклине со средним доходом домохозяйства в 63 тыс. долл. демократы потеряли 87 тыс. голосов, республиканцы получили 25 тыс. На Манхэттене, где среднегодовой доход достигает 112 тыс. долл., демократы потеряли 31 тыс. голосов, а республиканцы набрали 10 тыс. Мы расширили наш анализ тех выборов на другие важные американские мегаполисы, включая Кливленд (Огайо), Детройт (Мичиган), Чикаго (Иллинойс) и Хьюстон (Техас). В ходе борьбы местных кандидатов наблюдалось резкое снижение числа голосов за демократов, а также то, что только 30 % этих проигранных голосов перешли республиканцам: остальные пополнили лагерь воздержавшихся. К тому времени тенденция уже вполне наметилась, так что она не зависела от фигуры Дональда Трампа, который скорее оседлал волну, чем создал её.

Феномен, зафиксированный на промежуточных выборах 2022 года, повторился на последних президентских выборах: впервые за десятилетия республиканский кандидат обошёл демократическое по числу голосов избирателей. В штате Калифорния демократка Камала Харрис потеряла 1,9 млн голосов, тогда как республиканцу Дональду Трампу отошли только 55 тыс. В штате Иллинойс Харрис потеряла более 400 тыс., Трамп также потерял голоса. В штате Нью-Йорк Харрис потеряла почти 1 млн голосов, но Трампу отошли только 200 тыс.

Трамп обеспечил себе победу с разрывом менее 2 % голосов в штатах Пенсильвания, Мичиган и Висконсин: эти штаты представляют 44 голоса выборщиков, благодаря чему при незначительном противоположном колебании Харрис могла получить 270 голосов и выиграть выборы. В итоге Трамп победил благодаря 230 тыс. голосов из этих штатов, 0,15 % от всех 154,8 млн голосов. Это число может показаться несущественным, но за победой Трампа стоит нечто более глубокое, чем эти 0,15 %: внедрение республиканцев в мегаполисы-оплоты демократов, в основном в районы с высокими доходами (и уж никак не в рабочие), и уже отмеченная тенденция к абсентеизму среди людей с низкими и средними доходами.

Согласно анализу, проведенному *New York Times* (6.12.2024), в котором говорится о сдвиге в пользу Трампа результатов голосования в округах (без учёта абсентеизма), в больших городах (которые представляют 27 % избирателей) 8 % голосов отошли Трампу, в других городах (15 % избирателей) – 5,8 %, в пригородах (41 % избирателей) – 4,6 %, в сельской местности (17 % избирателей) – 3,7 %.

Однако в округах с небелым большинством (18 % избирателей) сдвиг голосов в пользу Трампа составил 9,9 %, что имеет последствия для стратегии демократов. *The New York Times* пишет: «После выборов 2020 года избиратели в крупнейших

городских округах массово перешли на сторону Дональда Дж. Трампа, причём даже более активно, чем по стране в целом: неожиданные сдвиги произошли в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Майами и Бостоне. [...] В районах с белым большинством перетекание голосов было наименее выраженным». Издание считает неожиданным тот факт, что, несмотря на анти-иммиграционную риторику Трампа, смещение голосов в его пользу среди цветных избирателей было выше, чем среди белых. Но в свете нашего анализа последних 20 лет это вовсе не является удивительным.

В 2002 аналитики-демократы Джон Джудис и Руй Тейшейра опубликовали книгу *“The Emerging Democratic Majority”* (“Новое демократическое большинство”): в этом тексте утверждалось, что самопроизвольные демографические тенденции, в частности численный рост латиноамериканцев, создадут стабильное долгосрочное большинство для Демократической партии. Этот тезис был опровергнут уже победой Джорджа Буша – младшего на выборах 2004 года (“Вестник Интернационалиста”, декабрь 2012). В июне 2017 года, проводя анализ уровня доходов как преобладающего фактора по сравнению с этнической принадлежностью, мы раскритиковали эти тезисы как «иллюзию Демократической партии», поскольку «латиноамериканцы второго и третьего поколения, как и “коренные жители”, не имеют иммунитета к анти-иммиграционным настроениям».

На выборах предыдущих 20 лет Демократическая партия в своих победах опиралась на мегаполисы, где она объединяла голоса профессионалов из слоёв с высокими доходами с массовой базой слоёв с низкими доходами. Теперь этот механизм перестал работать, что может повлечь последствия для будущих электоральных циклов.

Конец коалиции Обамы?

Майкл Линд, профессор школы по связям с общественностью им. Линдона Джонсона в Техасском университете (г. Остин), предлагающий вернуться к “Новому курсу” Рузвельта, в чём слышится отголосок европейских социал-демократических политик, поддерживает демократический экономический национализм, аналогичный идеям республиканца Уолтера Рассела Мида. 1 ноября 2024 года, перед выборами, он опубликовал статью под названием *“The Obama Machine”* (“Машина Обамы”) в онлайн-издании *Tablet*. В ней он утверждал, что в течение своих президентских сроков 2008 и 2012 годов Барак Обама расширил политическую модель чикагского отделения Демократической партии до национального масштаба.

Линд заявляет, что Обама и его соратники модернизировали старый политический механизм Демпартии в Чикаго, базировавшийся на территориальных структурах, которому были свойственны патронаж, фаворитизм, непотизм, наличие собственных работников на избирательных участках и лояльность партии. На смену этому пришла организация, финансируемая национальными и мировыми корпорациями, банками и олигархами-миллиардерами, которые широко используют консалтинговые фирмы и рекламу в СМИ. Согласно Линду, Обама перенёс чикагскую модель на другие крупные города.

В выпуске *The New York Times* от 13 ноября 2024 года автор передовиц Эзра Кляйн обсуждает эти тезисы с самим Линдом в статье *“The End of the Obama Coalition”* (“Конец коалиции Обамы”). По мнению Кляйна, выборы 2024 года ознаменовали конец демократической электоральной коалиции: последние несколько лет Демократическая партия усердно работала, чтобы создать коалицию белых профессиональных “элит” и этнических меньшинств (чёрных, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения). Теперь видно, что эти избиратели повернулись к Трампу или перестали голосовать. Хотя идеи Линда и Кляйна радикально отличаются от нашей реконструкции, основанной на марксистском определении классов, и от наших тезисов об абсентеизме, важно отметить, что их напечатал журнал-рупор демократов, причём не только в США. Для Кляйна речь идёт не только об электоральных тактиках и стратегиях, но и о самой структуре Демократической партии.

СДВИГИ В ГОЛОСОВАНИИ ЗА ТРАМПА

Тип округа	% электората	сдвиг в %	% электората*	сдвиг в %
Крупные города	27	8,0	18	9,9
Пригороды	41	4,6	5	7,4
Другие городские зоны	15	5,8	5	7,8
Сельская местность	17	3,7	1	8,0

*) среди округов с цветным большинством

Источник: *The New York Times*, 6.12.2024.

Голоса (тыс.)	Всего	2024		Всего	2020		Всего	Разница 2020–2024				
		Харрис	Трамп		Байден	Трамп		%	Дем.	%	Респ.	%
Калифорния	15819	9254	6061	17469	11110	6006	-1650	-9,4	-1856	-16,7	+55	+0,9
Иллинойс	5577	3056	2445	6038	3472	2447	-461	-7,6	-416	-12,0	-2	-0,1
Нью-Йорк	8018	4386	3467	9659	5245	3252	-1641	-17,0	-859	-16,4	+215	+6,6
3 штата всего	29414	16696	11973	33166	19827	11705	-3752	-11,3	-3131	-15,8	+268	+2,3
США всего	154823	74767	77137	158430	81284	74224	-3607	-2,3	-6517	-8,0	+2913	+3,9

Источник: наш анализ предварительных результатов, опубликованных в газетах.

Линд заявляет, что Обама и его соратники модернизировали старый политический механизм Демпартии в Чикаго, базировавшийся на территориальных структурах, которому были свойственны патронаж, фаворитизм, непотизм, наличие собственных работников на избирательных участках и лояльность партии. На смену этому пришла организация, финансируемая национальными и мировыми корпорациями, банками и олигархами-миллиардерами, которые широко используют консалтинговые фирмы и рекламу в СМИ. Согласно Линду, Обама перенёс чикагскую модель на другие крупные города.

В выпуске *The New York Times* от 13 ноября 2024 года автор передовиц Эзра Кляйн обсуждает эти тезисы с самим Линдом в статье *“The End of the Obama Coalition”* (“Конец коалиции Обамы”). По мнению Кляйна, выборы 2024 года ознаменовали конец демократической электоральной коалиции: последние несколько лет Демократическая партия усердно работала, чтобы создать коалицию белых профессиональных “элит” и этнических меньшинств (чёрных, латиноамериканцев и американцев азиатского происхождения). Теперь видно, что эти избиратели повернулись к Трампу или перестали голосовать. Хотя идеи Линда и Кляйна радикально отличаются от нашей реконструкции, основанной на марксистском определении классов, и от наших тезисов об абсентеизме, важно отметить, что их напечатал журнал-рупор демократов, причём не только в США. Для Кляйна речь идёт не только об электоральных тактиках и стратегиях, но и о самой структуре Демократической партии.

По мнению важного стратега Демократической партии, аппарат и стратегия его партии устарели. Он считает, что «даже демократический посыл в

целом должен быть выброшен в окно», и демократы должны «прекратить проводить митинги с Бейонсе и беспокоиться об одобрении Тейлор Свифт», потому что это только усугубляет мнение о том, что Демократическая партия стала партией Голливуда (*The Hill*, 8.11.2024).

Началась борьба между фракциями внутри партии, и предметом конфликта стало использование финансирования. Харрис получила на свою предвыборную кампанию 1,6 млрд долл., больше, чем Трамп с его 1 млрд долл. В выпусках *Forbes* от 30 октября и *Bloomberg* от 10 сентября 2024 года можно найти список из 100 спонсоров-миллиардеров, 50 из которых поддержали Трампа, а 50 – Харрис.

Последние выборы преподнесли интересный урок о связи денег и политики: мало иметь деньги, нужно ещё и уметь их тратить. Сейчас демократы начинают задавать вопросы, как команда Харрис потратила деньги, пожертвованные миллиардерами.

80-летний Джеймс Карвилл, один из наиболее опытных политических консультантов Демократической партии, советник Билла Клинтона в 1992-м и Хиллари Клинтон в 2016 году, делает первый выстрел будущей битвы в Демократической партии своей статьёй, опубликованной 30 ноября в *The Hill*. Он утверждает, что Харрис заполучила не полтора миллиарда, а два с половиной миллиарда, и спрашивает – возможно, от лица всех разочарованных спонсоров: «У кого-нибудь есть идеи, на что ушли эти деньги?».

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Карвилл и другие сопартийцы подвергли сомнению целесообразность расходов, связанных с мероприятиями с участием Опри Уинфри, Бейонсе и других знаменитостей. Они считают, что такое количество приведённых в движение денег могло привести к короткому замыканию, когда предвыборная кампания становится самодостаточным бизнесом, относительно оторванным от избирателей, которых она должна привлекать, превращается в способ обогащения социологов, консультантов и знаменитостей – паразитическую машину, работающую на себя и больше не являющуюся просто инструментом финансовых олигархий, позволяющим им занимать выборные должности.

Первые назначения президентства Трампа

Баланс конкурирующих фракций для американского правительства

По мнению корреспондента *New York Times* в Белом доме Дэвида Сэнгера, назначения в будущий кабинет Дональда Трампа, происходящие за дымовой завесой идеологии «*America First*», раскрывают наличие различных ориентаций. В нём будут представлены как минимум три фракции, конфликтующие друг с другом: одна сосредоточится на «*вендетте*» против политических оппонентов; другая – на завоевании доверия фондовых и международных рынков; третья – на сокращении бюрократического аппарата и государственных расходов. Как между этими фракциями будут распределены ключевые должности и на какой почве они вступят друг с другом в борьбу является одной из интриг новой администрации.

Схема, предложенная *New York Times*, используется, чтобы описать процесс формирования исполнительной власти, а также, в некоторой степени, чтобы попытаться повлиять на него. Среди других подобных попыток выделяется редакционная линия *Wall Street Journal*, в связи с правом вето группы сенаторов-республиканцев в будущем процессе ратификации кандидатур. Рассмотрим эти первые ходы политической битвы за назначения, даже если Трамп может заменить ту или иную кандидатуру или её в конечном итоге отклонит Сенат.

«Мстителей» остановил Сенат?

По словам Сэнгера, «команда мстителей» в администрации получит приказ разгромить Министерство юстиции, спецслужбы и Пентагон, чтобы начать вытравливать так называемое «глубинное государство» чиновников, военных в том числе, которых президент обвиняет в различных заговорах, включая инициирование судебных разбирательств против него. Гидеон Рахман из *Financial Times*, считает, что данные посты будут иметь по крайней мере сдерживающую функцию в отношении департаментов, которые будут сильнее остальных сопротивляться трамповской программе.

На пост главы Минюста Трамп выдвинул кандидатуру конгрессмена из Флориды Мэтта Гетца, чьи разнужданные выходы с участием наркотиков и секса подвели его под следствие Комитета по этике Конгресса. Однако, после ряда закрытых переговоров с сенаторами Республиканской партии Гетц снялся с кандидатуры.

По мнению *Financial Times*, самоотвод Гетца стал первым ударом для Трампа: «На данный момент это был также самый чёткий сигнал о том, что планы избранного президента по ослаблению конкурирующих центров власти в Вашингтоне могут встретить сопротивление». Сенаторы во главе с новым лидером Джоном Тьюном проявят «большую твёрдость, чем ожидалось», но «не факт, что они окажут такое же сопротивление другим спорным кандидатам». Речь идёт о Питере Хегсете, рекомендованном Министерству обороны главным образом на основании опыта в качестве комментатора *Fox*, и Тулси Габбард, бывшей конгрессвумен от Гавайских островов, выбранной для координации разведки.

Другие испытания ждут группу, которую *Wall Street Journal* определила как «фракцию Макконнелла», состоящую из республиканцев, собравшихся вокруг фигуры бывшего партийного лидера в Сенате.

«Проверка» Минфина на протекционизм

«Команду по успокоению рынка» возглавит Скотт Бессент – миллиардер с

Уолл-стрит, которого Трамп хочет назначить главой Министерства финансов. По словам Сэнгера, в программе *MAGA* (Make America Great Again) Бессент «исполнит партию» дерегулирования и снижения налогов, благоприятствующих бизнесу, но, вероятно, попытается помешать более радикальным решениям Трампа, таким как введение протекционистских тарифов, которое вызовет инфляцию на иностранные товары и положит конец росту фондового рынка, начавшегося после избрания Трампа.

За выбором кандидатуры на пост главы Казначейства внимательно следят международные наблюдатели. По мнению газеты *Le Monde*, результат покажет, «насколько серьёзно следует относиться к угрозам торговой войны». По мнению *The Economist*, это бы показало, «что Трампа действительно можно ограничить реакцией рынков, [...] либо указало бы на его капризность и волюнтаризм». *Wall Street Journal*, выступая против Трампа с позиций торгового либерализма, считает выбор кандидатуры на пост в Казначействе «тестом» для администрации. Бессент, как напоминает *Wall Street Journal* на первой полосе, назвал избранного президента «в конечном итоге либертарианцем», а торговые тарифы – «эскалацией ради дэскалации», то есть принуждением к переговорам с помощью угрозы.

Торговая команда под наблюдением

По словам Сэнгера, из-за своего «позднего обращения в *MAGA*» Бессента с подозрением принимают в рядах трампов. «Переход на тему тарифов во время избирательной кампании», по мнению *WSJ*, ставит вопрос о том, насколько Бессенту удастся повлиять на президента или «кто в экономической команде сможет это сделать».

В этом смысле назначения в сфере торговой политики пристально изучаются наблюдателями. По мнению главного экономиста *WSJ* Грега Ипа, отсутствие в команде Роберта Лайтхайзера (торгового представителя *USTR*) в первый срок Трампа оставит президентство «без наиболее эффективного сторонника тарифов». Однако, это мог бы компенсировать Питер Наварро, который станет старшим советником Белого дома – должностное без полномочий, но потенциально влиятельная. В период с 2017 по 2021 год Наварро был директором управления по торговой и промышленной политике, созданного Трампом, и директором Национального торгового совета.

На должность торгового представителя выдвинут Джеймисон Грир, бывший руководитель аппарата Лайтхайзера с 2017 по 2020 год. Наконец, главой Министерства торговли может стать Говард Лютник, финансист, которого Илон Маск ранее продвигал на должность главы Казначейства. Он будет соревноваться с Бессентом в том, кто громче заявит о своих протекционистских полномочиях.

Сокращение расходов и профсоюзный популизм

По мнению Росса Даутата, консервативного комментатора *New York Times*, исполнительная власть будет «командой идеологических соперников», поскольку Трамп придётся вернуть должное всем разнородным компонентам своей избирательной коалиции.

«Команду по сокращению правительства», по словам того же Сэнгера, возглавят владелец *Tesla*, *SpaceX* и *X* Илон Маск,

КАЗНАЧЕЙСТВО, ТОРГОВЛЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Скотт Кеннет Бессент (1962) – министр финансов. Выпускник Йельского университета, финансист из Южной Каролины, стал миллиардером, работая на трёх крупных инвесторов – Джорджа Сороса, Джима Чаноса и Джима Роджерса, а затем основал *Key Square Capital* в 2015 году. Роджерс вместе с Соросом основал *Quantum Fund* в 1973 году; Чанос в 1985 году основал компанию *Kynikos Associates* (от греческого «цинничный»), специализирующуюся на коротких продажах. После приобретения опыта в этих двух компаниях Бессент присоединился к *Soros Fund Management* и в конечном итоге возглавил лондонское отделение компании. В этом качестве вместе с Соросом он успешно спекулировал в 1992 году на кризисе итальянской лиры, испанской песеты и британского фунта. В 2015 году вышел из фонда и создал *Key Square Capital*, при первоначальных инвестициях Сороса. Тогдашний коллега Бессента Шахин Валле, бывший советник Эмманюэля Макрона и Хермана Ван Ромпея, писал, что Бессент делал ставку на то, что экономические отношения между Западом и Китаем заставят Вашингтон и его партнёров избежать серьёзных финансовых проблем в Пекине. Уже много лет близок к новому вице-президенту Джей Ди Вэнсу. Бессент собирал деньги для Трампа вместе с предпринимателями в сфере высоких технологий Китом Рабуа из *PayPal* и *LinkedIn* и Джейкобом Хелбергом из *Palantir*, а также с Говардом Лютником и другими. Но до 2016 года он также поддерживал кампании демократов.

Говард Уильям Лютник (1961) – министр торговли. Выходец из семьи нью-йоркских евреев, с 1991 года он был CEO финансовой компании *Santor Fitzgerald* в Нью-Йорке, основанной в 1945 году Бернардом Джеральдом Кантором и Джоном Фицджеральдом и уполномоченной ФРС торговать американскими государственными облигациями. Выпускник экономического факультета колледжа Хаверфорда в Пенсильвании, Лютник начал работать на *Santor* в 1983 году. Позже он заработал на Уолл-стрит репутацию безжалостного финансиста, взяв под свой контроль компанию, пока его наставник был на смертном одре.

В 2001 году 658 из 960 сотрудников погибли в результате теракта 11 сентября, будучи сотрудниками офисов в башнях-близнецах, включая брата Лютника Гэри. Но компания выжила, а Лютник стал известной фигурой, в том числе как филантроп. В 2019 году он начал собирать деньги для Трампа. Он был сопредседателем его переходной команды вместе с Линдой МакМахон.

Джеймисон Грир (1980) – торговый представитель (*USTR*). В первый срок Трампа он был руководителем аппарата торгового представителя Роберта Лайтхайзера и участвовал в торговых переговорах с Пекином, а также в пересмотре *НАФТА* – соглашения о свободной торговле с Мексикой и Канадой, которое затем стало *USMCA*.

Позже он стал бизнес-юристом юридической фирмы *King & Spalding*, основанной в 1885 году в Атланте и насчитывающей более 1,3 тыс. юристов. Получив высшее образование в Калифорнии, он два года проработал миссионером мормонов в Брюсселе, а затем продолжил обучение в Сорбонне в Париже и Университете Вирджинии. Он работал в юридической фирме *Skadden* в Нью-Йорке – транснациональной компании со штатом 1,7 тыс. юристов и 3,5 тыс. сотрудников.

Алекс Нельсон Вонг (1980) – заместитель советника по национальной безопасности. Родился в Нью-Йорке в семье иммигрантов из Гуандуна под именем Хуан Чжихань, окончил Гарвардский университет и практиковал в Вашингтоне. В 2007 году работал в Госдепартаменте юрисконсультантом; в 2012 году участвовал в президентской кампании Митта Ромни, сенатора от Юты, который так и не примирился с Трампом, и был советником Тома Коттона, сенатора от Арканзаса.

В первый срок Трампа Вонг возглавлял двухпартийную группу Конгресса, которая изучала последствия торговых отношений с Китаем для национальной безопасности (Комиссия по обзору экономической безопасности США-Китай), а также был помощником секретаря по региональным отношениям в управлении Госдепартамента по делам Восточной Азии и Тихого океана; работает над стратегией «Free and Open Indo-Pacific», которой придерживается администрация Байдена. В марте 2018 года он был первым высокопоставленным американским дипломатом, посетившим Тайвань после принятия «Taiwan Travel Act», где встретился с президентом этой страны Цай Инвэнь.

а также Вивек Рамасвами, предприниматель в сфере биотехнологий и фармацевтики, выдвигавший свою кандидатуру на праймериз республиканцев. Департамент эффективности правительства (*DOGE*) будет департаментом без полномочий. Его цель, однако, будет заключаться в сокращении федеральных расходов как минимум на 2 трлн долл. из общего бюджета в 6,75 трлн долл. в 2024 году. Это, «мягко говоря, чрезвычайно амбициозная» цель. *The Economist* пишет, что намерения *DOGE* правдоподобны, если рассчитывать на срок в 10 лет, а не на один год. Бремя американских расходов и долгов в любом случае ложится на каждую администрацию.

Наконец, кандидатура Лори Чавес-Деремер, республиканки из Орегона, на пост главы Министерства труда, похоже, служит двум целям. Профсоюз *AFL-CIO* опасается «антирабочей программы» Трампа, но признаёт Чавес-Деремер исключением. И действительно, эта номинация была встречена *Wall Street Journal* негативно, потому что бывшая конгрес-

свумен является крайне редким членом Республиканской партии, без враждебности относящимся к профсоюзам и выступающим за «PRO Act», или «Richard L. Trumka Protecting the Right to Organize Act» – федеральный законопроект, названный в честь бывшего председателя *AFL-CIO* и противодействующий антипрофсоюзным правилам «права на труд», действующим на уровне законодательного собрания штата.

Что касается «команды национальной безопасности», пишет Сэнгер, то здесь «нюансы зависят не только от кандидатуры избранного президента». В эту команду входят госсекретарь испано-американского происхождения Марко Рубио и советник по национальной безопасности Майк Уолтц, о котором мы уже говорили в прошлом месяце, а также заместитель последнего Алекс Вонг. По мнению Дэвида Игнатиуса, представителя истеблишмента в *Washington Post*, – это «надёжный выбор».

Европейская военная промышленность и оборона



LEONARDO



RHEINMETALL

«Конфликт на Украине поставил точку в дебатах об актуальности танков, которые считались бесполезными для будущих войн», – писала газета итальянских священников чуть более года назад. «Танк успешно обошёл все препятствия, даже обманчивые двадцать лет асимметричных войн [...] [...] оценки рынка говорят о поступлении на вооружение 6–7 тысяч танков в ближайшем будущем»; военные производители «отправились собирать сошедшую манну – о которой до прошлого года и не думали, – печальное следствие украинской трагедии» (Avvenire, 1 июля 2023 года).

На этих страницах мы уже писали о том, что, даже принимая во внимание иллюзии тридцати лет так называемой мирной глобализации, всё ещё трудно объяснить разоружение, которое произошло в Германии, обладавшей крупнейшей в Европе конвенциональной военной силой. Бундесвер сжался с 4 тысяч танков ОБТ («основной боевой танк») до нескольких сотен. Как видно из таблицы, то же произошло и с другими крупными европейскими армиями.

Кризис порядка и перевооружение Европы предполагают откат к прежним концепциям, возвращение к бронетанковым войскам, правда, с некоторыми новшествами. Танки нового поколения, например, франко-германский MGCS («основная наземная боевая система»), проектируются как стержневой элемент «системы систем».

Последняя будет включать в себя также другие бронированные и бронетанковые машины, пилотируемые или беспилотные, будут связаны со спутниками, дронами и оснащены системами защиты от последних; все они будут заключены в «пузырь», способный осуществлять совместные наступательные или оборонительные действия. Однако появление MGCS ожидается не ранее 2040 года: именно поэтому всё большее распространение получают промежуточные решения, то есть усовершенствованные и модернизированные версии существующих танков.

Танки Leonardo и Rheinmetall

Одним из примеров является недавно подписанное соглашение о создании совместного предприятия LRMV (Leonardo Rheinmetall Military Vehicles). Две промышленные группы будут разрабатывать ключевой элемент программы перевооружения итальянской армии.

Речь идёт о производстве 280 танков (половина – боевых, другая половина – для поддержки и логистики) и 1050 AICS («боевая машина пехоты»), легкобронированных, гусеничных и транспортных.

Проект рассчитан на 10–15 лет, а общий объём инвестиций составит 23,5 млрд евро. В производство пустят платформы, разработанные Rheinmetall: танк Panther KF51 и бронированный танк Lynx. Они постепенно заменят танк Ariete и лёгкие танки Dardo, которые с 1990-х годов производились консорциумом, образованным компаниями Oto Melara (Leonardo) и Iveco Defence Vehicles (IDV).

Lynx – гусеничная машина, уже принятая на вооружение Венгрией, но итальянский заказ изменит её удельный вес на рынке. Panther всё ещё находится на стадии прототипа и, по описанию, рассчитан на многоцелевое применение. Обе машины претерпят модификации: Leonardo, к примеру, установит новую башню, электронные компоненты, системы связи, управления и контроля. Rheinmetall будет отвечать за пушку и корпус. Окончательное оснащение будет осуществлено в Италии. Разделение труда составит 50 на 50, но 10 % будет выполнено на итальянских заводах Rheinmetall (ранее Oerlikon Contraves). Первые единицы будут готовы через два-три года. Участие IDV пока не планируется.

Роберто Чинголани (генеральный директор Leonardo) говорит, что считает это соглашение «пробным, но если удастся донести до людей, что промышленные альянсы необходимы для безопасности нашего континента и позволят нам быть конкурентоспособными перед лицом Китая и США, то мы сделаем значительный шаг вперёд» (La Repubblica, 16 октября).

Армин Паппергер (генеральный директор Rheinmetall) подчёркивает потенциал рынка: 50 млрд евро в ближайшие 10–15 лет, и LRMV может получить 30–40 % от этой суммы, с рентабельностью в 15 %.

Неудачная сделка с KNDS

Соглашение было достигнуто в конце напряжённого года. В ноябре 2023 года Берлин и Рим подписали двусторонний стратегический план действий, предусматривающий регулярные консультации между правительствами по вопросам экономики, энергетики, миграции и обороны. Менее месяца спустя было подписано принципиальное соглашение между Leonardo и KNDS, образованной в 2015 году в результате слияния французской Nexter и немецкой Krauss-Maffei Wegmann (KMW).

Последняя производит самый продаваемый танк в Европе. Leopard 2A8, наиболее современная версия этого танка, представляет интерес и для итальянской армии. Однако Leonardo добивается такого соглашения, которое предусматривало бы производство 50 % заказа в Италии. KNDS ответила отказом на запрос итальянцев о внесении модификаций, поскольку они нарушили бы стандарты Leopard 2A8, на который имеется 600 заказов. После этого, в июле, Rheinmetall пришёл на смену KNDS в качестве партнёра. Следует также отметить, что и разорванное впоследствии соглашение с KNDS, и соглашение с Rheinmetall предусматривали возможность присоединения Leonardo

ЕВРОПЕЙСКИЕ БОЕВЫЕ ТАНКИ	Leopard 2 Германия	Challenger 2 Великобритания	Leclerc Франция	Ariete Италия
Экипаж	4	3	3	4
Вес (т)	58	63	57	54
Пушка (мм)	120	120	120	120
Боекомплект	42	47	40	42
Дальность хода (км)	450	550	550	550
Максимальная скорость (км/ч)	70	59	72	65
Единицы в эксплуатации	284	227	222	150

Источники: Le Figaro, Financial Times, Nexter.

к программе MGCS, которая пока, похоже, продвигается медленно.

Французская газета Les Echos обвинила Италию в «жадности»: на самом деле важно отметить, что Rheinmetall будет использовать свой прототип танка, поэтому его легче модифицировать при участии Leonardo.

Цель немецкого гиганта

Конечно, нельзя умалять и роль личности. Интернет-издание Politico иронично называет Паппергера настоящим еврокомиссаром по обороне. Об этом говорят его связи в промышленности, участие в принятии политических решений и, прежде всего, предельно чёткие представления о целях, которых необходимо достичь.

В интервью газете Handelsblatt он заявил, что Германии нужен игрок в оборонной промышленности с годовым оборотом в 20–30 млрд евро, добавив, что Rheinmetall закончит 2024 год с оборотом в 10 млрд и достигнет 15 в течение двух лет. В 2021 году оборот концерна составлял 5,6 млрд. Портфель заказов уже достиг 48,6 млрд. Rheinmetall ставит перед собой цель производить более миллиона 155-мм артиллерийских боеприпасов в год – в 2022 году концерн произвёл 70 тысяч. На вопрос, не возникает ли риска перепроизводства, Паппергер ответил, что на поставки Украине и надлежащее наполнение arsenалов Германии и её союзников уйдёт 15 лет.

Продавец пушек Паппергер не стремится держаться в тени: он отмечает, что половина сотрудников штаб-квартиры – люди 25–35 лет, «очень мотивированные», потому что «оборонные компании играют важную роль [...] [...] наша демократия нуждается в безопасности и защите от атак» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, 12 июля).

Что касается различных платформ, Rheinmetall также работает в Великобритании, где была создана компания RBSL (Rheinmetall BAE Systems Land). Совместное предприятие должно модернизировать 148 танков Challenger до третьего поколения и выпустить 500 бронированных машин Boxer (8x8). Последняя платформа является интересным примером «фрагментации» европейской промышленности.

Перипетии Boxer

В 1993 году Германия, Франция и Великобритания договорились о разработке проекта броневедомо-бронированной машины с колёсной формулой 8x8, способной перевозить и защищать 8–9 солдат, а также выполнять функции санитарной машины, разминирования, командного пункта

и пункта материально-технического обеспечения. В 1998 году для производства был выбран консорциум, сформированный немецкими компаниями KraussMaffei и Wegmann и английской GKN. Французская компания GIAT (позже ставшая Nexter) получила роль наблюдателя в консорциуме, от которой почти сразу же отказалась.

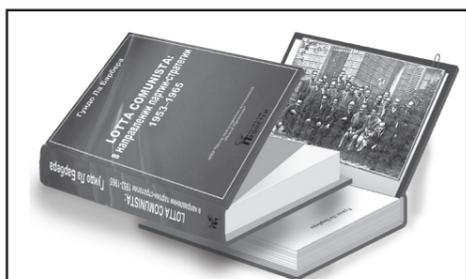
Впоследствии Nexter совместно с Thales и Safran получил от французского правительства заказ на бронемашину программы Scorpion: Griffon и Jaguar (6x6, способные перевозить 9 солдат), к 2030 году ожидается производство более двух тысяч единиц.

К первоначальному проекту, который в 2001 году получил название Boxer, в качестве партнёра присоединились Нидерланды, намеревавшиеся приобрести 200 машин. Их представляла промышленная группа Stork. В 2003 году уже Великобритания вышла из проекта. В результате остались только Krauss-Maffei (которая в 1999 году объединилась с Wegmann и стала KMW), Rheinmetall и Stork. В 2008 году немецкий концерн выкупил долю Stork и стал мажоритарным акционером программы. И, наконец, в 2019 году в программу вновь вошла Великобритания, заключив соглашение, в результате которого появилась компания Rheinmetall BAE Systems Land. По сути, за плечами Boxer тридцать лет различных соглашений и их разрывов на международном уровне, удачных и неудачных попыток промышленной концентрации и практически полное отсутствие массового производства. Европейскому империализму, если он не хочет уступить в беспрецедентном контексте силового противостояния, следует действовать лучше.

Мы начали со слов Avvenire о «печальном следствии украинской трагедии» и возвращаемся к нему в заключении статьи. В начале октября в Киеве открылся второй Международный форум оборонной промышленности – большая выставка, в которой приняли участие 300 компаний или консорциумов, что примерно на пятьдесят больше, чем в первом подобном мероприятии год назад.

По этому случаю компания KNDS объявила об открытии филиала в Киеве, где будут проводиться работы по ремонту и обслуживанию танков Leopard 1 и 2 и гаубиц Caesar. KNDS повторяет вслед за Rheinmetall, которая совместно с «Укроборонпромом» уже открыла площадку для капитального ремонта бронетехники, а в будущем и для производства Panther KF51. Из окопов Донбасса – к будущему европейскому перевооружению Украины.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.



Гuido Ла Барбера

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт, биографический справочник, 9 иллюстраций по тексту. ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Здравоохранение прежде всего?

Мы публикуем текст листовки, распространённой Lotta Comunista среди медицинских работников в сентябре 2024 года.

Медсестёр не хватает, а их зарплаты слишком низкие – это признают все, даже соревнуются, кто громче крикнет, кто больше сгустит краски. Повсюду слышно: нужно больше врачей, и нужно устранить отставание их зарплат от верхней планки по Евросоюзу. А также: нужно больше ресурсов на здравоохранение, нужно гарантировать медицинский уход, инвестировать в участковые службы без ущерба для функционала больниц, защитить персонал от агрессии, нанять больше сотрудников, вернуть качество и достоинство медицинским услугам, «зеркалу уровня нашей цивилизации».

Министр здравоохранения просит своё собственное правительство «выделить больше средств для найма персонала» и добавляет: «мы хотим, чтобы работникам здравоохранения платили больше» (Avvenire, 5 сентября). Как сообщает Il Sole-24 Ore от 4 сентября, поставлена задача вписать в бюджет чрезвычайный план по найму до 30 тысяч врачей и медсестёр в течение трёх лет. «Также ведётся работа по установлению единой налоговой ставки в размере 15 % на надбавку за специфику» работы врачей.

La Stampa от 5 сентября фиксирует явно тревожную картину: «Согласно меморандуму Счётной палаты [...], сегодня не хватает по меньшей мере 65 тысяч медсестёр, половина приходится на больницы, половина – на участковые службы. К этому нужно добавить ещё 20 тысяч, которые [...] необходимы для работы новых участковых служб. [...] Такое количество работников сегодня невозможно набрать на рынке, так что многие регионы и сам [министр здравоохранения] Скиллачи рассчитывают на привлечение работников из-за границы в количестве 25 тысяч человек, из которых 9,5 тысяч – из-за пределов ЕС. Насколько плохи наши дела, видно из сравнения с другими странами. По данным ОЭСР, в Италии на тысячу жителей приходится 6,2 медсестры, в то время как в среднем по Европе этот показатель составляет 8,8, в Германии – 13,9, а во Франции – 11,1. Но сравнение производит ещё более плачевный эффект, если учесть, что в Италии проживает самое пожилое население в Европе. И если в Италии на каждую тысячу человек старше 75 лет приходится 48,9 медсестёр, то во Франции – 113,4, в Германии – 106,7, в Великобритании – 96,4 [...] Именно такие пациенты терпят самые тяжёлые последствия. Сегодня в среднем каждая медсестра отвечает за 12 человек. Идеальным считается число шесть. При уровне выше 10 смертность возрастает на 20 %, говорится в исследовании, опубликованном в престижном British Medical Journal».

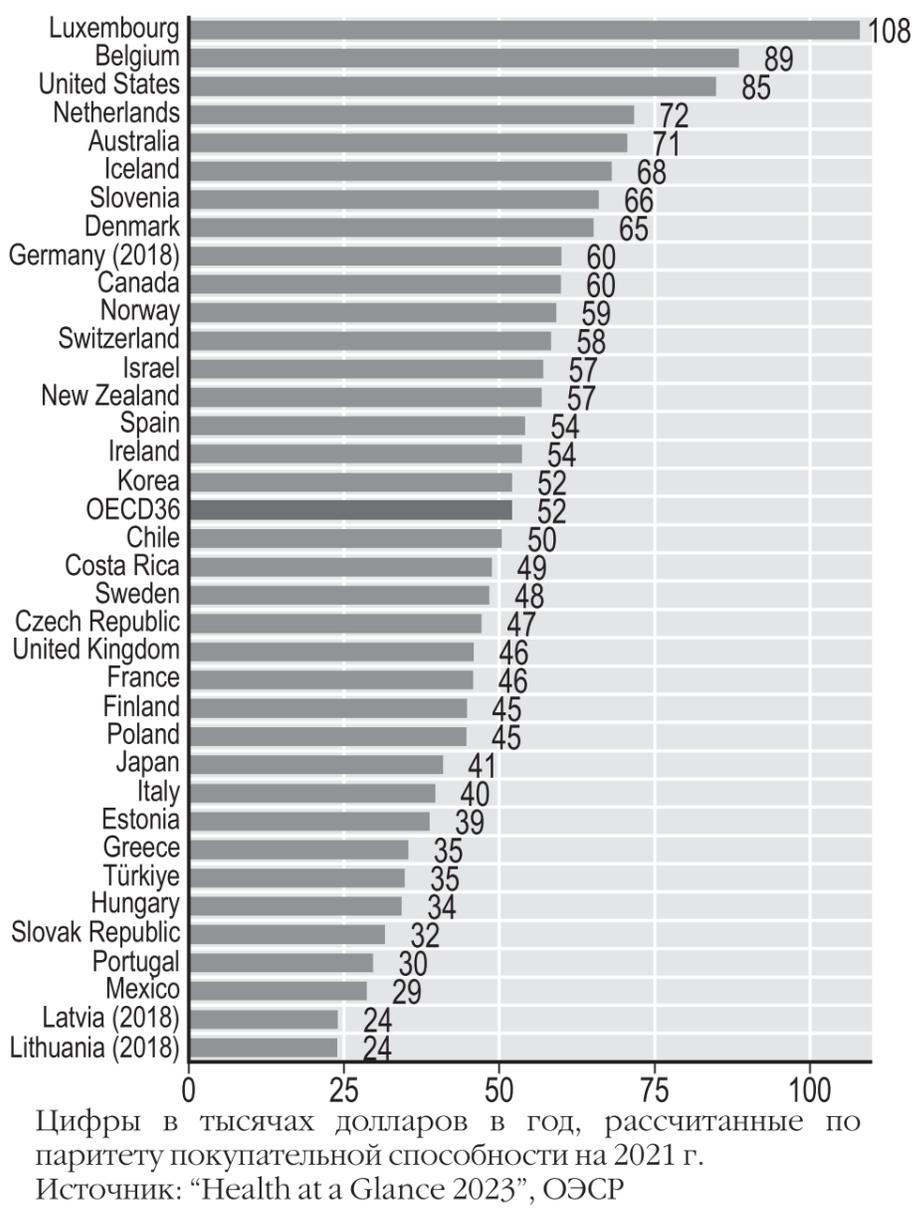
В этом году на 20.435 открытых учебных мест по специальности сестринское дело претендовала 21 тысяча человек. В среднем, 20 % абитуриентов провали-

вают вступительные испытания, а ещё 25 % не доходят до выпуска: это означает, что «итальянская система» в состоянии выпускать не более 14 тысяч медсестёр каждый год. Это уже больше, чем те 11 тысяч, которые выпускались ежегодно за десятилетие 2010–2020. Но это всё ещё слишком мало перед лицом нехватки, которая оценивается в 60–100 тысяч работников. Некоторые специальности, такие как лаборанты (TSLB) и техники-рентгенологи (TSRM), испытывают ещё более значительные бреши. С врачами дело обстоит несколько более запутанно: данные говорят о концентрации нехватки сотрудников в некоторых специальностях (неотложная медицина, анестезия, ортопедия, радиодиагностика), тем временем общее число выпускающихся врачей является одним из самых высоких в Европе, но очень многие уходят в частную практику ли уезжают за границу.

Правительство отреагировало на проблему с запозданием, пустив в ход повышение уровня оплаты сверхурочных (жетонов по 50 евро в час для медсестёр и TSRM и 100 евро для врачей). Хорошо, что оплата «сверхурочной» работы повышается (за это нужно благодарить?). Гораздо хуже сама идея того, что проблему можно решить с помощью жетонов компенсаций, сверхурочной работы и настойчивой и подозрительной риторики о списках, ожидающих помощи. Правительство также приняло закон о распространении на медсестёр «добровольного права» продолжать работать вплоть до 70 лет (которое прежде было только у врачей). Всё это временные меры, продиктованные отчаянием и непредусмотрительностью и обусловленные бюджетными ограничениями: барометр указывает в сторону значительного увеличения военных расходов. Это оглушительное эхо кризиса мирового порядка грохотом пушек раздаётся от Украины до Среднего Востока и сгущает тучи над Тайванем.

До сих пор ключевые чиновники министерства и системы здравоохранения отстаивают «лимит набора» [на курс], в то время как мы десять лет назад, будучи студентами, получили свой первый политический опыт именно на демонстрациях против «лимита набора». Газета Il Foglio (4 сентября) пишет: «Данные по медицине напоминают нам о том, почему без иммигрантов у Италии нет будущего». Издание продолжает: «Сегодня лимит набора больше не выполняет функцию фильтра, [...] в течение нескольких лет проблема будет заключаться уже не в том, чтобы не пускать людей, а в том, чтобы найти студентов для заполнения имеющихся мест. [...] И этот вопрос касается не только Италии: тревога по всей Европе одна и та же. [...] Утечка медицинских работников должна быть среди первоочередных задач правительства. И если предложение итальянской квалифицированной рабочей силы недостаточно, исполнительная власть должна отбросить риторику и

ОПЛАТА ТРУДА МЕДСЕСТЁР



приступить к реализации плана по привлечению этих кадров из-за рубежа. Говорить об иммиграции – значит ставить проблему привлечения человеческого капитала: отказаться от риторики о «вторжении» и о «высадке десанта» [иммигрантов] и начать думать о том, как расширить легальные каналы въезда не только количественно, но и качественно, – это вопрос выживания для нашей страны. Не итальянцы, а медсестры прежде всего». Может быть, им стоит попробовать переманить медицинский персонал с «Глобального Юга», где ситуация со здравоохранением попросту отчаянная, о чём говорит хотя бы трагедия с эпидемией полиомиелита в Газе? Реально ли выстроить «импорт» уже подготовленных профессионалов в количестве десятков тысяч только для Италии и сотен тысяч для Европы в целом? Мы считаем, что это невозможно.

Не можем не заметить следующее: Первое: работников не хватает, им платят слишком мало, а продление коллективного договора (истёкшего три года назад) не приходит. Почему?

Второе: существует нехватка кадров, «кризис образования», но это касается не только медсестёр и врачей, а практически всех профессий, требующих высшего, среднеспециального или общего образования. Рабочих не хватает в том числе потому, что число женщин детородного возраста неумолимо сокращается. В ближайшие десятилетия оно не вырастет. Иммигранты требуются сотнями тысяч, а для Европы в целом – миллионами.

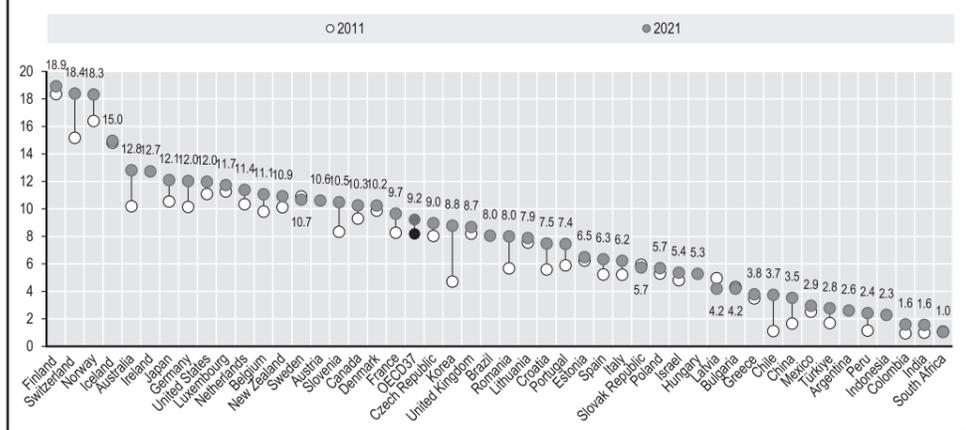
Третье: часть нехватки медсестер и медицинских работников должна быть покрыта за счёт обучения детей иммигрантов и более чем 600 тысяч женщин-иммигранток, работающих в Италии в сфере

ухода за людьми (например, социально-медицинскими работниками и сиделками). Вместо того, чтобы рассуждать о «профессионализме и карьере», стоит вспомнить о том, как это делалось раньше – например, ввести оплачиваемые места для стажёров.

Четвёртое: принимать больше иммигрантов, организовывать языковые курсы, волонтерскую помощь, защищать их от радикальных, отсталых, ксенофобских и расистских выходов. Создать – как в наших рабочих кружках – активную сеть на всех рабочих местах и в жилых районах, которая даст отпор разжигателям ненависти и нагнетателям страха и станет инструментом подлинной интеграции. К нам приезжают со всех концов света; если нам и удалось обеспечить минимальные стандарты в уходе за пожилыми людьми, то только благодаря притоку сотен тысяч иммигрантов – зачастую вопреки сопротивлению общества, нелегально, оказываясь в стеснённых условиях, – иммигрантов, которые выполняют важнейшую работу сиделок в наших домах и в лечебно-реабилитационных центрах. Они также, как и мы, являются наёмными работниками и неотъемлемой частью нашего класса.

Пятое: потребовать от правительства и регионов перейти от слов к делу, заявить о себе как о работниках здравоохранения, добиваясь, в том числе путём борьбы и забастовок, коллективного договора, который защитил бы уже достигнутое и гарантировал бы будущее: нужно меньше оружия, меньше военных расходов, единый договор для государственных, частных и кооперативных работников здравоохранения, большие зарплаты и меньше рабочих часов.

МЕДИЦИНСКИЙ ПЕРСОНАЛ НА 1000 ЖИТЕЛЕЙ, 2011 и 2021 гг.



Издательская новинка

Маркс, два столетия и Китай

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Джулио Мотози *“Cronache della via della Seta”*.

Марксистская наука всегда проявляла интерес к Китаю. В открытии «мирового рынка» в середине XIX века, в азиатской перспективе «горючих материалов» революции в начале XX века, перед лицом «длительной контрреволюционной фазы» в послевоенный период, в современных зигзагах «кризиса порядка» и в его ожидаемом сломе: в последние два века Китай непременно появлялся во всех узловых моментах, разрабатываемых революционной наукой.

Эта книга ограничивается одним конкретным аспектом – глобальной проекцией Дракона в последние десять лет. Империалистическое созревание азиатского гиганта не могло не пошатнуть порядок, установленный победителями второй мировой войны, и не привести к его кризису. Этот порядок смог переварить восстановление Германии и Японии, но это происходило на либеристской волне экономического цикла, которую поддерживало беспрецедентное послевоенное расширение мирового рынка. Сегодня китайское вторжение встречается на своём пути вооружённый либеризм с высокими военными расходами, а также возвращённый “защитник” – государственный капитализм, оснащённый элементами протекционизма в Америке и Европе. Кооптация Китая в картель великих империалистических держав повлечёт за собой столь непропорциональные изменения в разделе мира, что старым державам будет трудно принять этот процесс мирно. Обширное пространство мирового рынка также становится всё более тесным для финансовых монополий старых держав, поскольку им бросают вызов новые силы. Экономический цикл, политический цикл и военный цикл завязываются в узел, не находя иного разрешения, кроме *слома порядка*: либо империалистическое варварство, либо социальная революция.

“Хроники Шёлкового пути” месяц за месяцем фиксируют развитие основных направлений китайской внешней политики. Уже некоторое время она пытается поддерживать хрупкое равновесие: с одной стороны, постепенно отказываясь от политики “осторожности”, предпринимая Дэн Сяопином, – скрытия своих сильных сторон, медленном укреплении позиций и избегании провоцирования излишней реакции, – и, с другой стороны, активно ведя игру баланса сил, аккуратно используя реалистический подход в отношениях с главными центрами многополярного мира – США, ЕС, Россией, Индией, Японией и т. д. – но в то же время подбадривая и завлекая средние державы, а при необходимости их припугивая. В последние годы Дракон всё больше привлекает к себе внимание на международной арене.

Попытка Китая «использовать варваров против варваров», в основном используя противоречия между старыми атлантическими державами, сталкивается с противодействием, вызванным его постепенным проникновением в Африку и на Средний Восток, в Персидский залив и даже на европейскую периферию. Китайские и антикитайские “партии”, возникшие в метрополиях, воплощают многообразие возможных ответов, от переговоров с Китаем до подготовки к военному противостоянию – таковы “две руки” политики в отношении Пекина. То, что Европа определила Китай одновременно в качестве “партнёра” и “соперника”, не могло стать неожиданностью для марксистской диалектики, привыкшей видеть в единстве противоположностей конечный двигатель дви-

жения. Мирный раздел и военная борьба, единство и раскол империализма всегда были частью ДНК нашей концепции unitарного империализма как «*логова разбойников*», объединённых грабежом, но разделённых, когда приходится делить награбленное. Если так, то необходимо точно оценить пропорции и ритмы в тенденции к будущему распаду господствующего порядка.

Напряжённость накапливается от Персидского залива до Тайваньского пролива, в новых узких местах, болевых точках противостояния, где концентрируются противоречия между державами. Это отдаёт должное нашему долгосрочному анализу многомерной артерии Персидского залива и войны в Ираке 2003 года, которую мы интерпретировали как упреждающую войну США против Европы и Китая, причём через управление потоками нефти, а не только ради самой нефти, на ключевых евразийских маршрутах. Энергетические потоки давно были охвачены стратегической борьбой между державами. Двадцать лет спустя присутствие Дракона в Персидском заливе стало неоспоримой экономической и политической реальностью.

Двадцать лет назад вступление Пекина в ВТО, создание евро в Европе и войны американского упадка стали *политическими фактами*, положившими начало *новой стратегической фазе*, потому что Китай, держава, вышедшая из зоны отсталости, поделённой империализмом, а затем благодаря ему получившей развитие, бросал вызов послевоенному порядку и требовал нового раздела мира. Переходная фаза, сумерки старого порядка, но ещё не его слом, классическое скрытое накопление противоречий, которое подготавливает каждую крупную химическую реакцию в истории, требует особого внимания к вариациям и нюансам китайской внешней политики, к плюрализму школ мысли, к корректировкам и колебаниям их ориентаций во времени. За неимением серьёзной систематической работы в западных источниках мы рассмотрели некоторые основные направления из обширной литературы на китайском языке.

Дракон делает шаг вперёд, представляя себя в качестве нового крупного промышленного инвестора и благожелательного миротворца, предлагая Киеву и Тель-Авиву принципы мира, а старые принципы “существования” адаптируя к потребностям современных развивающихся стран. Ни одно из ключевых течений в Китае не провозглашает разрыв со старым порядком в числе своих ближайших намерений, но в целом даже те, кто наиболее неохотно расстаётся со старыми дозировками миролюбия и либеризма, присоединяются к неумержимой тенденции азиатского перевооружения. Это лишь вопрос времени, – понимают они, подсчитывая авианосцы, боеголовки и истребители последнего поколения, – когда гонка перевооружений приведет к «*азиатской региональной войне*», подобной тем, которые на Украине и Газе дали возможность говорить о начале кризиса порядка. Такая война проверит реальные силы Китая: все эти годы он держался в тени, не имея возможности продемонстрировать свою военную готовность – ключевой элемент сдерживания. И вот суровые времена пришли.

Наша школа этим не удивлена. Никогда ещё империалистическое становление не было анонсировано настолько заранее: Маркс и Энгельс предсказывали капиталистическое развитие Китая в середине XIX века, а Ленин в своём анализе описал инструменты, позволяющие предвидеть его империалистическое развитие в XX веке. В послевоенный период, восставшая нить анализа неравномерного

развития капитализма в империалистической фазе, можно было рассматривать индустриализацию и будущее утверждение Дракона в роли великой державы в рамках стратегического подхода ленинской партии. С достижением Китаем империалистической зрелости и формированием гигантского азиатского пролетариата этот стратегический фактор, обречённый расшатать послевоенную империалистическую систему, оказался налицо. То, что под взглядом Маркса едва проросло из «*исторической коллизии*» европейского капитализма с китайским, сегодня выливается в столкновение Китая с мировой системой. Перед лицом таких вызовов метод исторического и диалектического материализма доказывает своё превосходство.

Не случайно, прослеживая «*красную нить*» революционной стратегии, нить сознательного действия пролетариата, основанного на теории и научном постижении международной динамики классов и держав, мы возвращаемся к первым статьям Маркса и Энгельса о Китае. В их работах середины XIX века Поднебесная уже вписана в гениальное видение мирового рынка, созданного крупной капиталистической промышленностью.

В “Немецкой идеологии” 1845–1846 годов среди принципов марксистской теории международных отношений закрепляется фундаментальный тезис об «*исторической коллизии*», или «*социально-политических потрясениях, спровоцированных извне*», источником которых является расширение мирового рынка, конкуренция со стороны более развитых в промышленном отношении стран и нарушение равновесия в системе государств, вызванное движением самого капитала. Китай XIX века являлся объектом такой *коллизии*.

Марксизм родился благодаря взгляду на мир целиком и исследованию исторических тенденций. В *Neue Rheinische Zeitung* 1850 года на нескольких страницах уязвляются поражение европейских революций 1984 года, развитие капитализма в Америке и Азии – с открытием золотых приисков в Калифорнии и «*поворотом колеса*» мировой торговли к Тихому океану – и *внешняя коллизия* британского капитализма в Китае. Китайское «*живое ископаемое*», распавшаяся при первом же контакте с экспортными товарами английской буржуазии – тюками хлопка и пушечными ядрами, – породило парадоксальные социальные явления: эгалитарное восстание тайпинов, крестьянское движение утопического и религиозного характера, в то же время являлось семенем буржуазной и мелкобуржуазной демократии, посаженным в застоявшуюся землю тысячелетней империи.

Маркс и Энгельс исследуют столкновение британского капитализма с китайским и возможное обратное воздействие китайского кризиса на кризис британской торговли: «*Любопытное будет зрелище: Китай вызывает потрясения в западном мире*»¹ (“Революция в Китае и Европе”, 1853). Изучение Китая стало частью исследования распространения капитализма по всему миру и универсальности законов его движения. В “Манифесте коммунистической партии” 1848 года говорится, что буржуазия, которой движет «*потребность в постоянно увеличивающемся сбыте продуктов*»², разрушит «*все китайские стены*»³. В 1859 году Маркс выявляет очевидную «*загадку*»⁴, кроющуюся в упорном сопротивлении китайского мелкого производства британской промышленной мощи. В “Капитале” сравнение с Индией демонстрирует связь между скоростью экономического проникновения капитализма и *непосредственной политической*

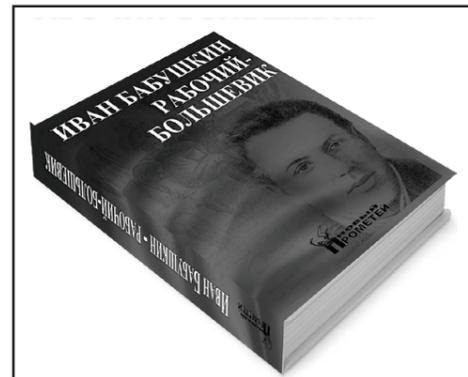
*силой*⁵, которую реализуют государства, воплощающие её коллизии, тогда британская хватка в отношении Китая ослабевала. Только после китайско-японской войны 1894 года Энгельс смог уточнить оценки капиталистического развития Поднебесной за полвека, отметив войны как его решающий фактор. Изоляцию старого Китая, «*частично*»⁶ нарушенную войнами европейцев, штурмовала новая японская буржуазия.

В переписке 1894 года Энгельс включает Китай в число факторов *кризиса конца века*⁷. Своим прозорливым диалектическим умом он оперирует понятиями, прослеживает основную логику, в которой развитие Америки и Азии оказывает обратное воздействие на Европу, а капиталистическое развитие Китая сотрясает сам капитализм. Распад китайской деревни, «*вытесненные с земли крестьяне, которые устремятся на побережье*»⁸, *массовая конкуренция*⁹ со стороны Китая после индустриализации – всё это уже появилось в его размышлениях. Энгельс давно рассуждал о *конкуренции на мировом рынке*, в которую развитие капиталистического производства втянуло рабочих всего земного шара, и о перспективе превращения Китая в *великую промышленную державу*¹⁰.

К концу XIX века этот фактор стал одним из ключей к предсказанию европейского кризиса, наряду с крахом британской монополии, возвышением новой американской державы и Японии в Азии, а также изменением соотношения сил на мировом рынке. Многосторонняя стратегия Энгельса обращена к XX веку империализма, высшей фазе, которая множит глобальные сообщающиеся сосуды капитализма. Открытая в 1850 году, диалектика между Европой и мировым рынком распространяется на новые неевропейские державы. Ленинская теория будет развивать это открытие.

Lotta comunista, октябрь 2024 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 9. С. 103.
- 2 – Там же. Т. 4. С. 427.
- 3 – Там же. С. 428.
- 4 – Там же. Т. 13. С. 565.
- 5 – Там же. Т. 25. Ч. I. С. 366.
- 6 – Там же. Т. 39. С. 250.
- 7 – См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 39. С. 252.
- 8 – Там же.
- 9 – Там же. С. 259.
- 10 – См. Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 614.



**ИВАН БАБУШКИН
РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК**

2010, 204 страницы,
мягкий переплёт.
6 карт и 11 иллюстраций
по тексту;
хронология,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Прогрессисты и либералы, где вы?

«Консолидированные демографические тенденции во многих западных странах, включая Италию, уже некоторое время подсвечивают несколько критических проблем: общее старение населения, его сокращение и уменьшение доли людей трудоспособного возраста». Так начинается документ, опубликованный 20 декабря исследовательским подразделением Mediobanca, с недвусмысленным названием: «Миграция: интеграционная политика способствует экономическому росту».

Стратегическое терпение

Далее в докладе отмечается, что с 2000 года «миграционные явления приобрели новую перспективу: это возможный инструмент компенсации неблагоприятной демографической ситуации и её пагубных экономических последствий».

Возможно, помня о своей прошлой роли доброго салона крупных групп итальянского империализма, Mediobanca намерена предупредить правящие группы буржуазии о вреде краткосрочной перспективе: «интеграционная политика приносит плоды, но сначала её нужно оплатить», а выгоды будут видны «только через десятилетие». И здесь доклад сыплет соль на рану: нужен «терпеливый политический класс и его электорат».

Терпение – это, конечно, не сильная сторона парламентских партий, всегда озабоченных результатами ближайших выборов; но это также не относится к сильным сторонам капиталистов, следящих скорее за ежеквартальной доходностью своего капитала. С другой стороны, это сильная сторона марксизма и его партии, которая подходит к миграционному вопросу со стратегической точки зрения укрепления класса и его интернационалистского единства. С этой точки зрения, принятие и поддержка трудящихся-мигрантов выходит за рамки само собой разумеющейся солидарности и имеет целью стратегические перспективы нашей борьбы.

Сокращающийся резерв

Свою точку зрения на проблему нехватки рабочей силы предлагает опубликованный в декабре 2024 года доклад итальянского Национального совета по экономике и труду (CNEL) под названием «Демография и рабочая сила», подготовленный Алессандро Розина, демографом и профессором Миланского католического университета.

Он исходит из тревожного факта: через тридцать лет «конкретный риск [заключается] в сокращении числа итальянцев трудоспособного возраста почти на 8 миллионов». Тридцать лет – довольно отдалённый срок, но проблемы уже налицо, причём проявляются они гораздо быстрее. С 2004 года по сегодняшний день, то есть за последние двадцать лет, число занятых в возрастной группе 25–35 лет сократилось на 1,8 миллиона человек, с 27,1 до 17,8 % от общего числа занятых, то есть с более чем каждого четвёртого до почти каждого шестого.

Однако это снижение осталось незамеченным в том числе и потому, что за этот период число занятых увеличилось примерно на миллион человек и достигло 24 миллионов. Почему? Потому что за это время число людей старше 50 лет выросло на 4 миллиона. Следовательно, «растёт только число занятых людей зрелого возраста, в то время как число занятых людей в возраст-

те до 50 лет значительно сократилось». Такая динамика имеет двойное следствие, которое нельзя игнорировать: в ближайшей перспективе – снижение производительности труда, связанное с повышением возраста; в длительной перспективе – отсутствие замены при наступлении пенсионного возраста.

«Замещающая миграция»

Здесь и приходит так называемая «замещающая миграция», как её довольно цинично определяет ООН, чтобы поддержать заинтересованность в приёме мигрантов.

The Economist, «Библия» капитала, говорит об этом так: «По мере старения остального мира Африка станет важнейшим источником рабочей силы: более половины молодых людей, вступающих в ряды мировой рабочей силы в 2030 году, будут африканцами» (11 января). Мы знаем, что большая часть этой новой рабочей силы будет искать работу в самой Африке, но какая-то часть прибудет на берега Европы (возможно, тогда будут звучать сожаления, что их прибывает недостаточно).

По данным CNEL, сегодня в Италии уже находятся 2,32 миллиона иностранных рабочих, к которым следует добавить натурализованных иностранцев, то есть получивших итальянское гражданство: один миллион из них находится в трудоспособном возрасте, 55 % фактически работают. В совокупности их наберётся почти 3 миллиона, 12,5 % от общего числа работников. И снова: в Италии, опять же по данным CNEL, «серая» экономика может составлять около 15 % ВВП – этот сектор «привлекает» тех, кто не смог легализовать своё пребывание.

Парадоксы суверенитета

Часть этих незадекларированных работников занята в сельском хозяйстве, где по одним только официальным данным, иностранцы составляют треть рабочих; к 2030 году их доля вырастет до 50 %. В сельскохозяйственном секторе также ощущается нехватка рабочей силы. Coldiretti¹ жалуется на нехватку 100 тысяч работников, «что чревато, – подчёркивается, – подрывом продовольственного суверенитета страны в период высокой международной напряжённости» (*La Discussione*, 18 октября 2024 года). Каким образом можно гарантировать столь дорогой правительству страны «продовольственный суверенитет»? «Прямым и контролируемым управлением миграционными потоками». Само собой разумеется, что продовольственный суверенитет Италии поддерживается только сотнями тысяч рабочих-иммигрантов!

Нехватка рабочей силы, как мы уже неоднократно отмечали, затрагивает многие отрасли. В декабре Confindustria провела семинар, посвящённый трудностям с поиском «квалифицированных кадров», как «технических», с чем сталкиваются 69 % компаний, так и «с ручным трудом», что актуально для 59 % промышленных предприятий. Причины были перечислены по порядку: «кусающий демографический кризис, всё более быстрое развитие технологий и глубокая трансформация производственных моделей» (*Il Sole-24 Ore*, 11 декабря).

Это не только итальянская проблема. Например, пишет *Financial Times* (13 декабря), в Великобритании нехват-

Вернёмся к отрывку из Маркса о скрытом рабстве детского труда и «работающих бедняков». Капитал робок по своей природе, он «избегает шума и брани», но за хорошую прибыль он становится смелым. «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах по-настоящему готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому»². Эту мысль можно несколько осовременить. Пообещайте его дикой сущности рынок с минимумом правил, а также государственные контракты и тарифы, которые можно использовать против конкурентов, и капитал превратится из сострадательного либерала в Трампа. И дело не только во вчерашних перспективных юношах, превратившихся в миллиардеров благодаря интернет-платформам, которые, к тому же, ещё недавно поддерживали Демократическую партию. Дональд Трамп, когда дело касается скандалов и конфликтов, оказывается в своей стихии, но всё же вереница магнатов и финансистов, стекающихся к его резиденции в Мар-а-Лаго, говорит о многом, если правильно её интерпретировать. Настоящая власть – за ними, и они просто делают ставку на того, кто уже выиграл в избирательную лотерею. Просто большинству в целом не чужда идея, что во главе должен стоять вожак-хулиган, который упрощает законы и снижает налоги внутри страны, а на внешней арене – показывает зубы. А если его высокомерие лопнет, как пузырь, найдут кого-то другого.

Либеральная и прогрессивная общественность раскололась на два лагеря. Одни горько заливают тоску вином и пишут депрессивные колонки о техно-олигархах, техно-империалистах и – о, ужас – техно-фашистах, – ах, куда катится мир! А другие начинают со «знаешь, а если вдуматься...», и внезапно осознают, что щепотка демагогии массам только на пользу, за либеральные бумажные стены никто умирать не станет, а за Бога, Родину, Семью – почему бы и нет. Или же – раз уж дело пошло на грубую силу, надо отвечать тем же: Европе пора готовиться к жестоким временам, сократить бюрократию и нарастить вооружения.

Между тем, раз уж речь зашла о скрытом рабстве: хулиган из Белого дома выставляет в интернете ролики с депортацией мигрантов, будто трофеи. Но и в Италии происходит то же самое – изгнание беженцев в Албанию под одобрение ЕС. А вчера, при прогрессивном правительстве, всё было не лучше: деньги шли на поддержку надсмотрщиков в ливийских лагерях, этих палачей, которых цинично переименовали в «ливийских мэров». Какая жалость, какое лицемерие. Только классовая, коммунистическая и интернационалистская оппозиция может противостоять их политике.

ка квалифицированных рабочих ставит под угрозу цели правительства в строительном секторе: только для завершения уже реализуемых проектов потребуется 250 тысяч новых рабочих. А между тем за десятилетие число учеников в этой области сократилось на треть. Подобные случаи наблюдаются по всей Европе.

Мировой резерв

Всё это стимулирует инициативы, направленные на привлечение новой рабочей силы оттуда, где её масса растёт: по этой причине Италия обращает свой взор на Африку. В апреле 2024 года Confindustria Верхней Адриатики в сотрудничестве с католиками-селезианцами открыла в Аккре, столице Ганы, школу профессионального обучения для подготовки молодых сварщиков, каменщиков, электротехников, механиков и рабочих других специальностей. Подобным же образом Confindustria Бергамо смотрит на Эфиопию.

Farmindustria, которая жалуется на нехватку 44 % рабочей силы, необходимой сектору, заключила соглашения об обучении в странах Средиземноморья, в частности с Египтом (*Il Sole*, 2 января). Fincantieri также инвестирует в Тунис и Гану, Вьетнам и Филиппины для стро-

ительства школ для подготовки «морских мастеров» (*Il Sole*, 9 октября 2024 г.).

Аурелио Реджина, президент Fondimpresa, межотраслевого фонда, созданного Confindustria и отраслевыми профсоюзами для обучения рабочих-иммигрантов, объясняет, что его цель – обеспечить техническую, а также языковую подготовку, частично в странах происхождения (*Economia*, 1 декабря). Поиск, обучение и трудоустройство иммигрантов становится неизбежным шагом. Для буржуазии это диктуется императивом прибыли. Все «футуристы» этого мира не могут скрыть истину, открытую марксизмом: именно от эксплуатации рабочей силы зависит прибыль предпринимателя.

Для нас вопрос заключается в помощи в интеграции иностранных рабочих в класс наёмных работников такой развитой метрополии, как Европа. Это практический шаг в формировании интернационалистской политики.

Lotta comunista, январь 2025 г.

1 – Крупнейшая ассоциация, представляющая интересы сельскохозяйственных капиталистов Италии.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 770.

Каталония и Страна Басков в тисках ограничений и нарушения равновесия

Мы публикуем серию статей наших испанских товарищей из газеты *El Internacionalismo*.

Каталония и Страна Басков представляют основные исторические национальности Испании. Здесь возникли одни из первых современных промышленных предприятий, банки, железные дороги и, соответственно, первые точки концентрации пролетариата – особенно в Барселоне – с собственными организациями и борьбой. Но здесь, в отличие от других территорий, охваченных капиталистическим взлётом XIX века, местная буржуазия породила мощные движения за региональную идентичность, опираясь на вековые местные особенности.

Исторически сложилось так, что эти два региона, на долю которых приходится четверть ВВП Испании, играли важную роль в национальной политике. Они были факторами восстановления равновесия в процессе плюралистической централизации государства и интеграции в европейский империализм, но в то же время и источниками дисбаланса и нестабильности, как, например, в случае с каталонским движением за независимость, которое достигло своего апогея в виде референдума 2017 года, на начальном этапе нового политического цикла.

С 2018 года региональные силы Каталонии и Страны Басков в основном поддерживают премьера-социалиста Педро Санчеса. Для сохранения большинства в сильно раздробленном парламенте последний нуждается в максималистских левых из партии «Сумар», а также в большом количестве местных партий. В то же время уступки, необходимые для сохранения поддержки с их стороны, должны быть согласованы с системой евроатлантических связей, находящейся в настоящее время в процессе трансформации, особенно в том, что касается военного измерения.

Корни и устойчивость

Недавние выборы в Стране Басков и Каталонии, даже по мнению сторонних наблюдателей, таких как *Financial Times*, стали «глотком свежего воздуха» для Санчеса и ИСПП, открыв новую, хотя и полную неопределённости главу в дискуссиях о жизнеспособности премьера и партийной системы в целом.

Например, можно вспомнить, как ИСПП, одна из самых старых партий Европы, созданная в 1879 году, переживала перемены политических сезонов: две монархические системы, абсолютистскую и конституционную, Вторую республику (1931–1939); две диктатуры, Примо де Риверы (1923–1930), при которой она была кооптирована в Государственный совет, и франкистскую (1939–1975), которая вытеснила партию в подполье. В итоге она провела реорганизацию в проевропейском ключе (1974), что после переходного периода позволило ей управлять страной в течение 27 из 47 лет демократии. Что касается КПИ, отколовшейся от ИСПП в 1921 году, а теперь составляющей ядро партии «Сумар», то ей удавалось выживать, приспосабливаясь к выполнению правительственных функций или благодаря внешней поддержке, как во времена Второй республики, так и после переходного периода.

В Стране Басков подтвердил своё первенство надёжный партнер центрального правительства, «националистическая» партия – этим термином в Испании обозначают сепаратистов-локалистов, – ЕАЖ-ПНВ (Баскская националистическая партия). Основанная в

КАТАЛОНИЯ 12 мая

	голоса	%	места	разн. с 2021	
				голосов	мест
ПСК	873	16,1	42	+220	+9
Junts	675	12,4	35	+107	+3
ERC	427	7,9	20	-177	-13
НП	343	6,3	15	+234	+12
«Вокс»	249	4,6	11	+31	=
«Комунс»	182	3,3	6	-13	-2
CUP ¹	128	2,4	4	-61	-5
Aliança Catalana ²	118	2,2	2	118	+2
«Граждане»	22	0,4	0	-136	-6
Избиратели	5.434	100	135	+64	
Абсентеисты	2.347	43		-213	
Индепендисты	1.348	25	61	-13	-13
Другие	1.669	31	74	+336	+13

Примечания: голоса в тысячах и в процентах избирателей; 1) Кандидатура народного единства; 2) Каталонский альянс; 3) в 2020 году в коалиции с «Граждане»; 4) без учёта избирателей за рубежом; 5) воздержавшиеся, незаполненные и недействительные бюллетени

Источники: наши расчёты на основе данных Женералитета Каталонии и правительства Страны Басков.

СТРАНА БАСКОВ 21 апреля

	голоса	%	места	разн. с 2020	
				голосов	мест
ЕАЖ-ПНВ	371	21,7	27	+21	-4
ЕН Bildu	342	20,0	27	+93	+6
PSE-EE	150	8,8	12	+28	+2
НП ³	97	5,7	7	+37	+1
«Сумар»	35	2,0	1	+35	+1
«Подemos»	24	1,4	0	-48	-6
«Вокс»	21	1,2	1	+4	=
Избиратели ⁴	1.712	100	75	-5	
Абсентеисты ⁵	660	39		-149	
Индепендисты	713	42	54	+114	+2
Другие	327	19	21	+56	-2

1895 году, она получила название от союза *Partido Nacionalista Vasco* (Баскская националистическая партия) и *Euzko Alderdi Jeltzalea*, что с баскского языка можно перевести как «Баскская партия J.E.L.». J.E.L. – аббревиатура, образованная от *Jaungoikua eta Lagizarra*, что означает «Бог и Старый Закон». Это отсылка к католическим и «националистическим» корням партии, которые ведут к средневековым *фуэрос*, исключительно местным правовым системам. Партия являлась одной из основательниц Центристского демократического интернационала и членом альянса Европейской народной партии; на референдуме 2005 года она поддержала проект европейской конституции, в целом получивший более 80% одобрения в Испании, и в настоящее время является членом парламентской группы Renew вместе с «Возрождением» Эммануэля Макрона.

PNV удалось избежать «обгона» со стороны левой националистической коалиции *Euskal Herria Bildu* («Восстановить единство Страны Басков»), название которой отсылает к историческим баскскоязычным территориям, включая Лабурд, Суле и Нижнюю Наварру во Франции. В *Bildu* входят политические наследники террористической группировки ЭТА (*Euskadi Ta Askatasuna*, «Страна Басков и свобода»), чьё происхождение восходит к молодёжным группам PNV во времена диктатуры Франко; в прошлом партия занимала евроскептическую позицию.

Свидетельство нормализации

В очередной раз PNV сформировал правительственную коалицию с баскским отделением ИСПП, социалистической партией PSE-EE, возникшей в результате слияния (1993 г.) *Partido Socialista de Euskadi* (местного отделения ИСПП) и *Euskadiko Ezkerra* (баскских левых). Последняя, возникшая в переходный постфранкистский период, включала в себя элементы расколовшейся ЭТА, отошедшие от националистического экстремизма.

Анализируя результаты выборов, следует также учитывать данные недавнего опроса, проведенного 40dB для газеты *El País*: среди баскского населения проект «независимого государства» получил поддержку лишь 13%. «В отличие от Каталонии, – пишет ведущая газета истеблишмента, – баскский национализм оставил претензии на независимость на заднем плане». В частности, «позитивная эволюция Bildu в сторону демократической нормальности», то есть её вклад в управляемость Испании, был бы достоин

награды, если бы она полностью дистанцировалась от распущенной ЭТА.

В Каталонии, напротив, наибольшее число голосов получила Партия социалистов Каталонии (ПСК, местное отделение ИСПП, в которую в переходный период влились различные националистические группы), в то время как националистические партии в целом впервые за 40 лет потеряли своё большинство в регионе. По мнению Ивана Редондо, редактора каталонской *La Vanguardia* и бывшего главы администрации Санчеса, это «подтверждает, что мы миновали связанную с [судебным] процессом стадию». По мнению Сандрин Морель, корреспондента *Le Monde*, в лагере националистов «обманутые надежды 2017 года [привели к] сильной демобилизации, усилившейся после освобождения заключенных лидеров сепаратистов», освобождённых после помилования Санчеса.

Баскское зеркало

Остаются старые проблемы и будущая неопределённость. Газета *La Vanguardia* отмечает, что «экономической новостью кампании стало предложение BBVA [баскский банк, третья по величине группа в Испании] о враждебном поглощении Sabadell», финансовой компании с каталонскими корнями. Каталония «тормозит уже много лет, увязнув в судебном процессе и ослабляя свои мускулы, что продемонстрировало безство компаний в 2017 году». Среди бежавших компаний оказалась и сама Sabadell, которая перенесла свой юридический адрес в Аликанте «из-за правовой нестабильности».

Кандидат от католических социалистов Сальвадор Ийя, бывший министр здравоохранения в период пандемии, пытается сформировать новое региональное правительство, заручившись поддержкой «Комунс», одной из частей «Сумар», и националистической партии уходящего президента, *Esquerra Republicana de Catalunya* (ERC, Республиканские левые Каталонии).

Эта партия, основанная в 1931 году, за месяц до рождения Второй республики, дорого заплатила за своё решение назначить досрочные выборы. Опора националистических правых, партия *Junts per Catalunya* («Вместе за Каталонию»), похоже, всё ещё полна решимости вернуть себе роль гегемона, которую она играла с переходного периода. Junts является наследником коалиции *CiU* (Конвергенция и Союз), чья материнская организация *Convergència Democràtica* (Демократическая конвергенция) была основана в 1974 году вслед за старой

Lliga Regionalista (Регионалистская лига), выражением местной буржуазии, которая приветствовала приход к власти обоих диктаторов в прошлом веке.

Переговоры, которые отнюдь не кажутся простыми, вызывают серьёзную озабоченность не только в Барселоне. Олац Барриусо, аналитик баскского консервативного издания *El Correo*, отмечает, что «PNV и Bildu затаили дыхание, следя за неопределённым будущим законодательного органа в Мадриде», которое находится под угрозой из-за перекрёстного огня между социалистами, ERC и Junts. Луис Барберо, редактор *El País*, задаётся вопросом, могут ли каталонцы посмотреть на себя «в баскское зеркало [...], чтобы выбраться из исключительной трясины, в которой они оказались».

Баскские и каталонские националисты играли определённую роль в управлении Испанией в начале XX века (*Lliga Regionalista*) и во время Второй республики (ERC и PNV); попеременно они поддерживали или благосклонно воздерживались от выборов всех премьеров-социалистов и представителей Народной партии (НП) после франкистского периода. В 2023 году все четыре ключевые партии поддержали кандидатуру Санчеса.

Старое и новое

Мы видим некоторые перемены, произошедшие после открытия нового политического цикла, но в целом он сохраняет свои характерные черты.

С одной стороны, налицо высокая волатильность электората, с другой – агитация с использованием *совранистских* тем и сюжетов безопасности, усилившаяся после прохождения в каталонский парламент крайне правых и ксенophobic националистов из *Aliança Catalana*. Несколько дней спустя *El País* «обнаружила», что полиция Марокко, Мавритании и Туниса использует средства ЕС, чтобы задерживать и бросать в пустыне мигрантов и беженцев.

Выборы в Европарламент 9 июня дадут более чёткое представление о соотношении политических сил между регионами, государствами и европейским империализмом. Пока же можно утверждать, что интернационализм, спустя почти 90 лет после выдающегося подвига каталонского пролетариата, который стал последним бастионом против франкизма и нацизма в Гражданской войне, не имеет ничего общего с буржуазными коллекционерскими флагами, больших или малых.

Пиренейская геополитика и европейское голосование

На европейских выборах в Испании и Португалии победили традиционные партии и коалиции, изгнав с западного фланга ЕС призрака волны евроскептицизма, которая, однако, перекинулась через Пиренеи.

Однако некоторые важнейшие вопросы остаются открытыми. Прежде всего, это характер архитектуры власти в европейском сообществе, характер *европейского внешнего принуждения* и его диалектика с Пиренейским полуостровом, *геополитика* отношений между испанским и португальским правительствами, с одной стороны, и франко-германской осью – с другой. Также на развитие событий повлияют итоги досрочных выборов в законодательные органы Франции, где президент Эммануэль Макрон после тяжёлого поражения от крайне правых Марин Ле Пен распустил Национальное собрание.

Наконец, предстоит решать и некоторые проблемы малой пиренейской геополитики, а именно внутривосточные и территориальные уравнения двух стран, управляемых соответственно левоцентристом Педро Санчесом и правоцентристом Луишем Монтенегро.

Устойчивость европейцев

Формат поляризации, вероятно, вернётся к испанскому «*несовершенному биполяризму*», то есть к дихотомии между правым и левым центрами, искажённой специфической ролью локалистских партий. Силы, которые можно описать как часть проевропейского консенсуса, сейчас получили три четверти голосов избирателей, что на два с половиной пункта больше, чем в 2019 году в обеих странах.

Однако более точный анализ голосования в разрезе избирательных округов показывает две разнонаправленные тенденции. В Испании наиболее заметен рост числа абсентеистов в широком смысле (включая пустые и недействительные бюллетени). Данные, представленные СМИ, демонстрируют скачок на 10 процентных пунктов, то есть увеличение числа воздержавшихся более чем на 3 миллиона человек. Стоит отметить, что это сравнение сделано на основе предварительных данных, которые на 2024 год не включают голоса *CERA*, избирателей, живущих за границей, в основном в Латинской Америке, с традиционно низким уровнем участия. Если для более корректного сравнения взять только голоса жителей Испании, то скачок составит 15 пунктов, то есть количество абсентеистов стало почти на пять с половиной миллионов больше.

Европейцы фактически потеряли 3 миллиона голосов, их вес в массе электората снизился с 47 до 37 %, но они всё равно остаются доминирующим лагерем, в то время как другие силы потеряли более миллиона голосов.

Галисиец Альберто Нуньес Фейхо сумел одержать важную победу, укрепив свои позиции в качестве лидера оппозиции и представителя Испании в Европейской народной партии: он смог остановить крайне правых и в то же время воспользоваться пулом голосов «Граждан».

«Вокс», которая в Мадриде объединила совранистские партии из фракций «Консерваторы и реформисты» (ECR) и «Идентичность и демократия» (ID), чтобы создать между ними сложный альянс, остановилась на отметке в 10 % голосов. У партии появился и конкурент справа – платформа SALF (Se acabó

la fiesta, «Праздник окончен»), спонтанно созданная одним ютубером.

В очередной раз продемонстрировать свою устойчивость ИСПП Санчеса помог, среди прочего, кризис партий слева от неё, таких как «Подemos» и «Сумар». С двадцатью местами она, наряду с итальянской Демократической партией, снова является крупнейшей составляющей группы социалистов и демократов (S&D). Таким образом, ИСПП удалось предотвратить превращение выборов в плебисцит против своей лидирующей роли, чего добивалась оппозиция, и имеет все возможности для ведения переговоров о европейской политике.

Дорогостоящая стабильность

В Лиссабоне Социалистическая партия (PS) сумела даже занять первое место, с небольшим отрывом обогнав правоцентристский Демократический альянс (AD) премьер-министра Луиша Монтенегро. Обе партии набрали больше голосов, чем на предыдущих выборах, причём доля воздержавшихся, напротив, сократилось на 10 пунктов.

Первая страница популярной газеты *Correio da manhã* пестрит заголовком: «*Португалия преподаёт Европе урок стабильности*». Директор газеты Карлуш Родригеш радуется, что «*сообщения о смерти двухпартийности в Португалии*» были «*явно преувеличены*», а ультраправая партия *Chega* (фракция «Идентичность и демократия») сошла с восходящей траектории, «*которая до сих пор казалась неостановимой*».

На противоположном конце Пиренейского полуострова Энрик Хулиана, заместитель редактора каталонской *La Vanguardia*, говорит о том, что, даже с учётом удара, нанесённого правящим партиям Франции и Германии, Польша в состоянии предотвратить колебания в коридоре от Балтийского до Чёрного моря, а «*устойчивость европеизма на Пиренейском полуострове является ещё одним балансирующим фактором*». В Испании же «*цикл, начавшийся в 2014 году, который заставил сомневаться в сохранении двухпартийности после экономического и институционального кризиса, можно считать завершённым*».

Даже *El País* с энтузиазмом превозносит «*иберийское исключение*». На страницах издания Игнасио Санчес-Куэнка, профессор политологии в Университете Карлоса III, отмечает, однако, что в ЕС «*влияние крайне правых растёт незначительно*», причём рост «*отнюдь не является впечатляющим*», если оставить за скобками «*влияние*» электоральных результатов в Италии, Франции и Германии. К этому следует добавить, по крайней мере, то, что Рейнская ось десятилетиями поддерживала эту мнимую стабильность с помощью внушительных европейских фондов, а также то, что она является основой для влияния пиренейских стран в Африке и Латинской Америке.

Иберийцы в Брюсселе

Португалец Монтенегро, лидер Социал-демократической партии, создавшей правоцентристскую коалицию, управляет страной, находясь в парламентском меньшинстве. Однако он, в отличие от испанского премьера, имеет оппозицию, готовую к переговорам, например, по вопросу бюджета. *Diário de Notícias*, газета португальских элит, отмечает, что результат выборов даже «*приближает*

ИСПАНИЯ		2024				2019				разница 24–19	
Голосующие		35.665	61			35.136	59			+529	+2
Воздержались, пустые, недействительные		18.358		51,5%		12.991		37,0%		+5.367	
Фракция ЕС	партия	голоса	места	%г	%и	голоса	места	%г	%и	голоса	места
ЕНП	НП	5.963	22	34.5	17	4.511	13	20.4	13	+1.453	+9
Соц-Дем	ИСПП	5.261	20	30.4	15	7.354	21	33.2	21	-2.093	-1
Renew		402	1	2.3	1	3.355	9	15.1	10	-2.953	-8
	CEUS	281	1	1.6	1	632	1	2.9	2	-351	=
	«Граждане»	121	0	0.7	0	2.723	8	12.3	8	-2.602	-8
КР	«Вокс»	1.678	6	9.7	5	1.388	4	6.3	4	+290	+2
Зелёные		1.668	6	9.6	5	1.249	3	5.6	4	+419	+3
	Ahora Rep	857	3	4.9	2	1.249	3	5.6	4	-393	=
	«Сумар»	812	3	4.7	2					+812	+3
Вне фракций		1.244	4	7.2	3	1.014	3	4.6	3	+230	+1
	SALF	801	3	4.6	2					+801	+3
	Junts	443	1	2.6	1	1.014	3	4.6	3	-571	-2
Левые	«Подemos»	572	2	3.3	2	2.249	6	10.2	6	-1.677	-4
Европенсты		13.295	49	76.8	37	16.468	46	74.1	47	-3.174	+3
Другие		3.494	12	20.2	10	4.651	13	20.9	13	-1.157	-1

ПОРТУГАЛИЯ		2024				2019				разница 24–19	
Голосующие		9.274	21			9.344	21			-70	=
Воздержались, пустые, недействительные		5.433		58,6%		6.274		67,1%		-841	
Фракция ЕС	партия	голоса	места	%г	%и	голоса	места	%г	%и	голоса	места
ЕНП	ДА	1.222	7	31.8	13	927	7	30.2	10	294	=
САП	СП	1.261	8	32.8	14	1.103	9	35.9	12	159	-1
Renew	ЛИ	354	2	9.2	4	29	0	0.9	=	325	2
ID	Chega	382	2	10.0	4	49	0	1.6	1	333	2
«Зелёные»	PAN	47	0	1.2	1	168	1	5.5	2	-120	-1
Левые		327	2	8.5	4	552	4	18.0	6	-224	-2
	BE	165	1	4.3	2	324	2	10.6	3	-159	-1
	CDU (PCP)	162	1	4.2	2	228	2	7.4	2	-66	-1
Европенсты		2.884	17	75.1	31	2.227	17	72.5	24	657	=
Другие		327	4	8.5	4	552	4	18.0	6	-224	=

Примечания: голоса в тыс., голоса из-за рубежа не включены; %г – процент голосов; %и – процент избирателей.

Испания: CEUS = EAJ-PNV (Баски) + CC (Канарские о-ва).

Португалия: ЛИ = «Либеральная инициатива»; PAN = «Люди, Животные, Природа»;

BE = Левый блок; PCP = Португальская коммунистическая партия.

Источники: наша разработка на основе данных Министерства внутренних дел (Испания) и Министерства внутренних дел Португалии (Португалия).

Социалистическую партию к центру». С другой стороны, в отношении кандидатуры бывшего премьер-министра – социалиста Антониу Кошты – на пост председателя Совета ЕС Монтенегро заявляет, что «*Демократический альянс и правительственные Португалии не только поддержат, но и сделают всё возможное, чтобы эта кандидатура была успешно утверждена*». Испанская *El País* добавляет, что он также «*пользуется симпатией ЕНП и фон дер Ляйен*», а Санчес на страницах *La Vanguardia* подтверждает: «*Мой кандидат – португалец Кошта*».

Однако испанский премьер-министр в то же время участвует в сложных переговорах по формированию правительства Каталонии, которая важна для внутреннего равновесия, а также является одним из ключевых экономических регионов континента.

Там две основные партии сторонников независимости, потерявшие в мае абсолютное большинство в каталонском парламенте, столкнулись с двукратным сокращением голосов на европейских выборах. Республиканские левые (ERC) подточили влияние *Ahora Repúblicas* («Теперь Республики»), коалиции, объединяющей каталонских индependистов с левыми басками (EH Bildu), галисийцами (BNG) и балеарцами (Aga Méis; «Теперь больше»). Количество европейских мандатов правой партии «Вместе за Каталонию» бывше-

го президента Карлеса Пучдемона сократилось с трёх до одного.

Малая иберийская геополитика

После окончательной публикации в «Официальном государственном бюллетене» закона об амнистии лидеров лагеря сторонников независимости Каталонии, если его не отклонят судебные органы, Пучдемон сможет вернуться в Испанию, а для Ориола Жункераса, лидера ERC, уже выпущенного из тюрьмы по амнистии, прекратится действие запрета на занятие политической деятельностью.

Санчес также готов вести переговоры о «специальном финансировании» Каталонии ради создания региональной правительственной коалиции между социалистами и ERC. Но ему придётся столкнуться с *пиренейской геополитикой*: большой геополитикой *внешнего принуждения*, которое изменяется и требует от Испании большего бюджетного баланса и определённых евроатлантических договоренностей, и малой геополитикой региональных автономий, готовых противостоять новым налоговым исключениям, кроме тех, которые исторически закреплены за басками и наваррцами.

Сложность территориальной мозаики Королевства Испания находит зеркальное отражение в относительной простоте маленькой Португальской Республики.

Барселонская инсценировка и бегство из Каракаса

В книге “Европа и Государство” (Ed. Lotta Comunista, 2006) говорится о «политических культурах и исторических закономерностях “морального фактора”, которые затрагиваются процессом европейской интеграции на обоих берегах Атлантики». Там есть и предостережение: это «сложная и обширная область исследования», где темы федерализма и государственного суверенитета переплетаются с англосаксонскими, немецкими и французскими «идеологическими материалами», которые «блуждают в веках» между двумя континентами.

Пиренейский полуостров и Латинская Америка также становятся свидетелями аналогичного обмена идеологическими материалами и моральными факторами.

Латиноамериканский моральный фактор

Примерами тому служат наследие колониальных империй в государственных структурах и партиях латиноамериканских стран, на которое наложились влияние великой державы на Севере – США; жестокие формы *каудильизма* и сеть клиентелизма *касиков*, которую внедрили *конкистадоры*; войны за национальную независимость американских колоний от Империи, вспыхнувшие к тому же параллельно с подъёмом местных национализмов в Испании, в частности, баскского и каталонского; модели военных диктатур и последующий *демократический переход*, в случае Мадрида и Лиссабона связанный с *внешним европейским принуждением*; *герилья*, мелкобуржуазный и локалистский терроризм; наконец, старые и новые формы популизма, которые взаимно влияют друг на друга.

Неудивительно, что кризис в Венесуэле получает столько же внимания в испанских СМИ, сколько и предполагаемое завершение каталонского процесса независимости. Популисты, будь то максималисты, локалисты или централисты, привлекают их латиноамериканские кузены. Левые обращаются к *чавизму* – государственному популизму, воплощением которого был венесуэльский каудильо Уго Чавес, президент страны с конца 90-х до своей смерти в 2013 году; к кубинскому *кастризму*, аргентинскому *перонизму* и *лулизму*, воплощённому бразильцем Лулой и его партией (РП). Правые обращаются к *болсонаризму* и *анархо-капитализму* аргентинца Хавьера Милея.

В Каракасе их гротескные речи служат фоном для великого исхода, который можно сравнить с эвакуацией из воюющих стран, таких как Сирия или Украина. За последние десять лет кризис, вызванный экономическими и финансовыми дисбалансами, накопившимися за 25 лет правления *чавистов*, заставил почти 8 миллионов венесуэльцев – четверть населения – покинуть свою страну. Более обеспеченные самолётами улетают в престижные районы Мадрида и Майами, тогда как более бедные отправляются пешком в соседние государства, сталкиваясь с характерной ксенофобской и охранительной риторикой правых популистов.

Влияние двух ветвей латиноамериканского популизма одновременно способствовало созданию *иберийских инсценировок трагедии*, то есть драматизации внутренней политики, кото-

рая по меньшей мере на десятилетие завела в тупик Барселону и Мадрид.

Инсценировка отделения

Социалистическая партия Каталонии (СПК) договорилась с индependентистской Республиканской левой (ERC) выбрать президентом Каталонии социалиста-католика Сальвадора Илью, который заменит Пере Арагонеса (ERC). Договор предполагает «экономическое соглашение» с Мадридом, с высоким уровнем налоговой автономии, аналогичным положению Страны Басков и Наварры.

Существенные разногласия по этому вопросу возникли с социалистами из других регионов и прочими локалистскими союзниками, симпатизирующими Каталонии, например, с валенсийцами из *Compromís*. Это связано с опасениями того, что «*hecho diferencial*» – исключительное налоговое преимущество – будет реализовано в ущерб интересам других территорий.

Есть мнение, что премьер-социалист Педро Санчес в очередной раз продемонстрирует свою знаменитую непопулярность. Человек из его команды, Сальвадор Илья, ранее уже занимавший пост министра здравоохранения во время пандемии, теперь возглавляет Женералитет, после 14 лет непрерывного правления индependентистов, единство которых он разрушил. Как отмечает *El País*, «Каталония унифицировала смену политического цикла и завершила “процесс”».

С другой стороны, мнение централистской правой представлено в мадридской газете *El Mundo* профессором международного права Рафаэлем Аренасом Гарсией. Он утверждает, что это не конец “процесса”, а его «*триумф*», поскольку изначально его целью был «налоговый пакт», который передаст Каталонии полномочия по «сбору и распоряжению налогами в Каталонии [...] – предпоследний элемент, необходимый для полноценного обладания всеми инструментами государства».

Этот комментарий можно понять следующим образом: “процесс” не имел своей целью добиться независимости в полном смысле слова; даже если обе стороны говорили только о идентичности и суверенитете, ключевым вопросом противостояния оставалось распределение налоговых потоков.

Значительная часть расходов осуществляет Мадрид, однако эти средства поступают от ЕС. Все десять лет, пока каталонцы разыгрывали трагедию, *внешнее европейское принуждение* продолжало оказывать своё давление, препятствуя одностороннему объявлению независимости.

Каталонский “беженец”

Правые индependентисты, ныне представленные партией “Вместе за Каталонию” (JxCat), десять лет назад, когда правительство Мариано Рахоя (НП) отказалось предоставить налоговые уступки, бросили Мадриду вызов, который многие назвали «*órdago*». Этим баскским словом из популярной карточной игры называют ставку ва-банк вслепую, когда соперники не знают карты друг друга.

Объявленные Санчесом помилования и амнистия для лидеров “процесса” привели и ERC, и JxCat за стол переговоров, заставив их тем самым раскрыть свои карты.

Карлес Пучдемон (JxCat), бывший президент Каталонии, бежавший в Брюссель в 2017 году в багажнике автомобиля после того, как в одном и том же заявлении объявил о независимости Каталонии и отложил её вступление в силу, называет себя «беженцем» от правовых органов, которые преследуют его за мятеж и растраты. Суд отказывается применять к нему амнистию, что останавливает его от возвращения на родину.

Тем не менее, Пучдемон захотел поучаствовать в дебатах вокруг назначения социалиста Ильи, причём лично. Пока JxCat в парламенте голосовала против Ильи вместе с Народной партией, “Вокс”, CUP (левые индependентисты) и “Каталонским альянсом” (крайне правые индependентисты-ксенофобы), он появился на площади перед несколькими тысячами сторонников и произнёс речь, а затем вновь скрылся за границей, избежав встречи с *Mossos*, региональной полицией, подчиняющейся уходящему правительству ERC, – которой в итоге предъявили обвинения в бездействии.

Энрик Хулиана, заместитель редактора каталонской газеты *La Vanguardia*, охлаждает энтузиазм по этому поводу: Пучдемон выиграл «тактическое время» благодаря медийному эффекту своего побега “в стиле Гудини”, но это парадоксально поспособствовало приходу к власти каталонских социалистов, которые выиграли «стратегическое время». Хулиана добавляет, что итог президентских выборов в США также окажет влияние на евроатлантические связи в хитросплетениях пиренейской региональной политики.

Популистские провалы

Недавно ультрацентралистская партия “Вокс”, покинувшая европарламентский альянс атлантистки Джорджи Мелони, чтобы присоединиться к прорусской группе Виктора Орбана, столкнулась с серьёзной утратой влияния. Решение внезапно выйти из пяти региональных правительств, где партия сотрудничала с НП, связано с соглашением между центральным правительством и регионами о распределении нескольких сотен несовершеннолетних иммигрантов из 6 тысяч, размещённых на Канарских островах. “Вокс”, ослеплённая ксенофобией, разыгрываемой в электоральных целях и совершенно близоруким, игнорирует стратегический аспект демографии, жизненно важный для европейского империализма.

И в то же самое время вся Испания прикована к телевизору, следя за успехами несовершеннолетнего каталонца Ламина Ямала, сына марокканца и гвинейки, который вывел национальную футбольную команду в финал чемпионата Европы. Победный же гол в финале забил наваррец Нико Уильямс, родители которого приехали в Испанию из Ганы, перебравшись при этом через «*la valla*» – стену из колючей проволоки и стальных лезвий в Мелилье.

Тем не менее, *новый политический цикл* остаётся нестабильным, и любые выводы будут лишь частичными. Однако недавние события в испанском и латинском популизме имеют определённое значение.

Восемь миллионов в бегах

На фоне событий в Каталонии особенно выделяется венесуэльский кри-

зис. С одной стороны, *чавизм* оказал противоречивое влияние как на “Попдемос” и максималистскую левую, так и на каталонские партии ERC и CUP, с которыми у них существуют органические связи.

С другой стороны, руководители JxCat сравнили Карлеса Пучдемона с кандидатом венесуэльской оппозиции Эдмундо Гонсалесом Урутьей. Бывший венесуэльский дипломат, по их мнению, выиграл президентские выборы 28 июля. Его сторонники собрали более 80 % официальных актов, составленных на избирательных участках, и согласно этим документам он должен был набрать 67 % голосов. Однако правительство Николаса Мадуро, наследника Чавеса, совершило свой *órdago*, объявив победителем действующего президента с 51 % голосов и пригрозив «*кровавой баней*». В ходе протестов против «*фальсификации выборов*» уже подтверждены 25 смертей и арестовано более тысячи человек. Гонсалес избегает участия в протестах, чтобы не столкнуться с преследованием со стороны полицейских, военных и полувенесуэльских формирований, верность которых является козырем режима.

В этом кризисе некоторые региональные игроки выступили в качестве посредников, в частности, три левых президента: бразилец Луис Инасиу “Лула” да Силва, колумбиец Густаво Петро и мексиканец Андрес Мануэль Лопес Обрадор, который, однако, уже сходит со сцены в связи со скорым концом полномочий. Все трое проявляют определённую двойственность по отношению к Мадуро, что связано с симпатиями их электоральных баз к *чавизму* и опасениями перед новой миграционной волной, которую их противники уже используют, раздувая ксенофобию против «*опасных венесуэльских преступников и наркоторговцев*», как о них говорит Дональд Трамп; но также их беспокоит возможность оказаться увидеть в Каракасе “Болсонару” или “Милея”.

Лула предложил вновь открыть для Каракаса двери в МЕРКОСУР, региональный интеграционный проект, через который Бразилия хотела бы утвердить своё лидерство, – членство Венесуэлы в нём было приоритетно в 2016 году. Однако на сегодняшний день гипотеза о том, что к Каракасу можно было бы применить *внешнее принуждение*, выглядит нереалистично.

Предварительный итог: падение ВВП на три четверти за десятилетие; сокращение производства нефти до менее одной трети от пиковых показателей конца 90-х годов, что привело к инфляции и сокращению социальных расходов; наконец, восемь миллионов венесуэльцев бежали из страны.

Энергетическая сокровищница Каракаса обладает крупнейшими в мире подтверждёнными запасами нефти, превышающими запасы Саудовской Аравии. Тем не менее, карибские каудильо добились худших результатов, чем даже самые отсталые нефтяные монархии, обрушив на миллионы венесуэльцев самые страшные последствия проклятия *чёрного золота* и заняв почётное место среди провалов латиноамериканских популизмов.

Пропасти, войны и лодки

Старый Свет падает в «демографическую пропасть», как мы писали в сентябрьской статье 2024 года «Ключевое десятилетие», и в ближайшие десять лет она лишит Испанию трёх из двадцати одного миллиона человек в возрасте от 30 до 59 лет, согласно сценарию с нулевой иммиграцией (данные ООН «World Population Prospects 2024»).

Никакая стимуляция рождаемости не сможет это предотвратить, хотя бы потому, что рождённые сегодня через десять лет всё ещё будут детьми, не вносящими вклад в рабочую силу. Но именно рабочая сила является основой капиталистического производства в целом и отдельных видов прибыли: финансовой, промышленной и коммерческой, доходов инвесторов и арендодателей, наконец, налогов. А значит, она же необходима для поддержания пенсий и здравоохранения, которые являются самыми крупными статьями расходов, составляющими около половины государственного бюджета Испании, или четверти её ВВП.

Демографическая зима

В то время как трудоспособное население будет сокращаться, численность людей старше 60 лет увеличится с 13 до 16,5 миллиона человек и достигнет 27,4–35,7 % населения в 2034 году. Это один из феноменов демографической зимы, продукт развития, которое одновременно с сокращением рождаемости позволяет большей части населения жить дольше. По данным ООН, Испания входит в число стран с самой высокой продолжительностью жизни в мире: здесь она составляет целых 84 года, наравне с такими странами, как Япония или Италия, – больше только в Сан-Марино, Лихтенштейне и Швейцарии. Таким образом, в Испании увеличение числа людей старше шестидесяти лет как в относительном, так и в абсолютном выражении будет самым значительным среди крупных стран ЕС. Это население с наибольшими потребностями в здравоохранении и пенсионном обеспечении. И в среднем, через десять лет при той же производительности труда, задолженности и налоговой нагрузке, пенсионеры и потребители медицинских услуг будут довольствоваться объёмом социальных расходов на 30 % меньше нынешнего.

Испанский центральный банк в опубликованном весной отчёте пишет, что «к 2053 году потребуется ещё 24,7 миллиона иммигрантов трудоспособного возраста», чтобы «избежать процесса старения», который «уже сейчас вызывает значительное увеличение государственных расходов на пенсии, здравоохранение и социальное обеспечение; эта динамика будет усиливаться в будущем». Это означает в среднем на 800 тысяч иммигрантов в год больше ожидаемого, что более чем в два раза превышает оценку группы Allianz в 338 тысяч, которую мы приводили ранее («Европейское перепитание», апрель 2024 г.)

Остаётся загадкой, как магическое мышление ксенофобов собираются справиться с этой проблемой. И всё же именно люди старшего возраста более восприимчивы к риторике «продавцов страха», в то время как неопределённое будущее сулит всё больше кризисов и конфликтов.

Лето на море

Каждое лето, как только позволяет погода, можно наблюдать всё больше «cauicos» и «pateras» – самодельных лодок, которые направляются с афри-

канских берегов на испанскую землю. Одновременно с этим растёт охранительный алармизм как в СМИ, так и в риторике политических партий. Канарские острова находятся в 1100 км от Пиренейского полуострова, но в 100 км от атлантического побережья Африки, в субтропическом поясе. Это автономное сообщество с двумя миллионами жителей, сильно зависящее от туризма: в 2023 году острова посетило более 16 миллионов человек.

На этот сектор приходится 35,5 % регионального ВВП и 40 % рабочих мест, и он одним из первых испытывает на себе последствия сложившейся ситуации. В августе 2020 года, в разгар пандемии, прокатилась волна протестов в Сан-Бартоломе-де-Тирахана, самом туристическом муниципалитете Канарских островов по количеству гостиничных номеров: около сотни жителей возвели баррикады, чтобы не допустить принятия 66 новых мигрантов, спасённых из моря, из-за «страха перед коронавирусом».

В этом году, с января по август, около двух третей из 35 тысяч «нерегулируемых» въездов в Испанию произошли на канарском побережье. Эти цифры невелики: хотя по сравнению с 2023 годом они показывают двузначный процентный рост, на фоне общего количества въездов этот объём незначителен. Подавляющее большинство представляя латиноамериканцы, прибывающие на самолёте по туристической визе, а по истечении 90-дневного срока остающиеся на нелегальном положении. В период с 2018 по 2023 год самыми быстрорастущими иностранными общинами стали колумбийская и венесуэльская, которые за счёт прибытия 600 тысяч человек удвоили свою численность.

Они также стали жертвами анти-мигрантской риторики и обвинений в росте преступности. Однако данные Министерства внутренних дел показывают, что общий уровень преступности за исключением киберпреступлений – 41 на тысячу жителей – остаётся стабильным с 2017 года несмотря на то, что с тех пор доля иностранцев выросла с 9,8 до 13,4 %.

Европа и страны Магриба

Газеты и телевидение рассказывали о «рекордном количестве» лодок, отчаливающих из Мавритании. Марокко, напротив, сдерживает отъезд в соответствии с соглашениями, подписанными с Мадридом и Брюсселем.

Марокко считается «воротами Африки» в обоих смыслах: как для потоков капитала и товаров, так и для иммиграции. По суше путь иммигрантов лежит в два городских эксклава, граничащих с африканской страной: Сеуту и Мелилью, – огороженных «vallas», стенами с колючей проволокой и стальными лезвиями, которые охраняются жандармами с обеих сторон. По морю потоки идут на Канары через Атлантику и в Андалусию через Средиземное море, вдоль путей смерти, превратившихся в безымянные братские могилы на морском дне.

На период 2021–2027 годов Комиссия ЕС выделила Марокко 500 млн евро из фонда NDICI (Инструмент соседства, развития и международного сотрудничества) на цели миграционного контроля. Это на 50 % больше, чем за предыдущие семь лет, и дополняется другой испанской помощью, а также европейскими фондами, которые не связаны напрямую с пограничным контролем (помощь в развитии, инфраструкту-

ра), но благодаря которым Рабат более охотно идёт на сотрудничество.

Подобные схемы также были запущены в отношениях с Алжиром, Тунисом, Ливией, Египтом и Мавританией, которую председатель Комиссии Урсула фон дер Ляйен посетила в феврале вместе с испанцем Педро Санчесом. ЕС пообещал выделить 210 миллионов евро в качестве помощи и 40 миллионов евро на пограничный контроль, которые, однако, ещё не выделены, а Мадрид пообещал ещё 300 миллионов евро на развитие, в частности, на производство зелёного водорода.

Это политика европейского империализма в отношении иммиграции, облечённая в зелёные одежды, или энергетическая политика, переходящая в мрачные оттенки охранительства. Об этом также говорится в выступлении Артуро Варвелли, главы римского отделения ECFR, и Анджелы Циккарди, сотрудника того же института, на страницах *Afkar* (июль 2024), испанского издания, посвященного Магрибу. Они считают, что новая, «более правая» Комиссия фон дер Ляйен, хотя и «одобряет более экстерналистскую миграционную политику», может продолжить продвигать «зелёную политику Европы в отношении Средиземноморья». «Испания и Италия, в частности, могли бы возглавить более органичные европейские действия в этом направлении», «а итальянский План Маттеи, направленный на усиление взаимодействия с Африкой посредством энергетического сотрудничества, экономического развития и управления миграцией, может быть интегрирован с инициативой *Global Gateway*», в рамках которой ЕС выделил 150 миллиардов на Африку.

Иммиграция и война

Рабат также добился значительных политических успехов. С одной стороны, признание правительства Германии, Испании и недавно Франции его плана «автономии» под суверенитетом Марокко для Западной Сахары, спорной территории с тлеющим конфликтом, который ведут сторонники её независимости – Фронт Полисарио – при поддержке Алжира. С другой стороны, Ронен Надир, генеральный директор израильской оружейной компании BlueBird, заявил в апреле испанскому журналу *Zona Militar* в связи с соглашениями Авраама с США и Израилем, что он «уже налаживает местное производство» военных беспилотников. Таким образом, отмечает *Le Monde*, Марокко входят в небольшой «круг африканских стран», которые производят это оружие.

В мае 2021 года Рабат пригрозил Мадриду «вепонизацией» иммигрантов, превращением их в оружие. Сегодня, однако, именно такую «модель» Санчес предложил в ходе августовского визита в Мавританию, Сенегал и Гамбию. Выходцы из двух последних составили основную массу мигрантов из недавних потоков. Мавритания, страна с огромной территорией, но населением всего 5 миллионов человек, считающаяся одной из самых стабильных в регионе, в настоящее время принимает около 150 тысяч беженцев из соседнего Мали, спасающихся от конфликтов, что терзают Сахель.

Лола Гарсиа, заместитель редактора каталонской газеты *La Vanguardia*, напоминает, что общее число прибывших за тридцать лет с первого *paterna* на Канарах (230 тысяч) выглядит сравнительно небольшим для 48-миллионной Испании, «но почти половина прибыла за последние четыре года, что связано

с ситуацией в Сахеле». Здесь, сообщает Сильви Кауффманн со страниц *Financial Times*, «Россия заполняет вакуум, оставленный Западом».

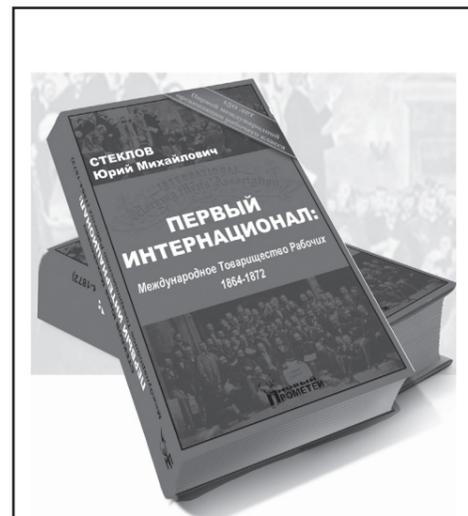
Но Луис Симон из Real Instituto Elcano, главного аналитического центра Испании, даёт понять, что российская угроза нужна «для оправдания интереса к южному флангу», где нынешний вакуум сложился из-за смещения внимания Европы на украинский «восточный фланг», а также из-за «усталости Запада от интервенционизма» (*El País*, 22 июля).

Империализм и интернационализм

Санчес пропагандирует «циркулирующую миграцию» с обязательным возвращением работников по окончании контракта. Это своего рода современный *гастарбайтер*, хорошо знакомый поколениям испанских иммигрантов в Германии. Такая система не гарантирует заполнение «демографической пропасти», не позволяя закрепить новых «гостей» с их семьями на постоянной основе. Однако именно это остаётся целью европейского империализма – иметь базу не только для своего экономического благосостояния, но и для своих будущих армий.

Коммунистическая политика должна будет противостоять как ядам ксенофобского совранизма, так и идеологиям империалистического европеизма. Молодёжь всех национальностей получит основу для объединения трудящихся в пролетарском интернационализме.

Lotta comunista, сентябрь 2024 г.



Степлов Ю.М.

Первый интернационал: Международное товарищество рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.